

Владимир Васильев

**Страшный суд
над богом и дьяволом**

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Владимир Васильев

**Страшный суд над
богом и дьяволом**

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Васильев В. В.

Страшный суд над богом и дьяволом / В. В. Васильев — «ЛитРес: Самиздат», 2010

Мир завоеван, США и бездуховная Европа уничтожены, планета на две трети состоит из радиоактивных пустырей, но вот незадача - жизнь граждан Русской Империи только ухудшается. Правительство Русской Империи, находясь в активном поиске внешнего врага, развязывает первую в истории Земли межпланетную войну. Общегалактическая небесная канцелярия инициирует Страшный суд над кураторами Земли - Люцифером и его помощником Иеговой... Оформление обложки - Владимир Васильев. Содержит нецензурную брань.

© Васильев В. В., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Планета Илмез, Пангея, Верония.
5768 год от рождества Иеремиила.

- Цель – не оправдание средств, папа! – воскликнула Джули Капула.
  - Мне не в чем и не перед кем оправдываться, – пожал плечами Антоний Капула. – Я выделил эти деньги на спасение, а не на разрушение. Больные для меня важнее оружия.
  - Для тебя или для страны? – нахмурилась Джули.
  - Сенат – это не страна, – отрезал Капула. – Да и я не последний человек в Сенате...
  - Нужно было или открыто или никак, – не успокаивалась Джули.
  - Кому нужно? – вздохнул Антоний.
  - Всей Пангее! – горячо сказала Джули. – Если верховный сатрап Пангеи, вместо того, чтобы отстоять свое мнение, делает подчистки в утвержденном бюджете, то, что говорить о рядовых сенаторах?
  - С рядовых и будем спрашивать по рядовому, – отрезал Антоний. – Верховный, он на то и верховный, чтобы не опускаться до мелкой суеты.
  - Закон стал для тебя мелочью?
  - Пока я провел бы свое решение через Сенат, умерла бы половина колонии. В сравнении со смертью закон мелочен. Да и рядом с жизнью он не всегда огромен.
  - Дело не в смерти, а в идее закона. Если решить, что ты выше этой идеи, то можно стать чудовищем.
  - Да, я враг идей и друг людей. И то потому, что в нашей сатрапии люди – мои. Они не просто подо мной, они мне близки. Более близки, чем Сенат и государство.
  - Мне страшно, – прошептала Джули.
  - Из-за жизни, смерти или больных?
  - За страну. Если верховный сатрап Пангеи начал вертеть законом, как монеткой, это первый шаг к пропасти.
  - За страну и закон не волнуйся. Сенат не даст им пропасть. А я – это счастье для Пангеи. Я сатрап, который заботится не о стране, а о гражданах.
  - Совмещать не получается?
  - Иногда. Чтоб добрым быть, я должен быть жесток.
  - Цитаты из твоего Бэкона были хороши лишь в средневековье...
  - Не трогай барона! Все графаретно, было и будет, а он вечен и уникален.
- Джули замолкла и посмотрела на небо. Когда она поднимала голову, миллиарды светил давали ей понять, насколько микроскопичны люди и история рядом с пространством и временем. Ей хотелось соответствовать времени, а не людям. Не ясному настоящему, не туманному прошлому, не предсказуемому будущему, а всеобъемлющему времени. Но желание быстро проходило – люди и история пока не отпускали ее юную головку. Однако в этот раз молодой Капуле пришла в голову другая мысль.
- «Не может быть, чтобы среди бесконечности не было жизни», – думала она. – «Не такой, как на Илмезе, а истинной жизни, где люди добры, справедливы и многогранны. Где нет места дразгам, суете и интригам. Где жизнь – это не усмешка, а улыбка. И я верю, что где-то во Вселенной такая планета есть»

***

Планета Земля, Россия, Москва.
2008 год от рождества Христова.

– Эврика! – Роман Монтеков блаженно прикрыл глаза. В щелочки, с пляшущей по ресницам радугой, и с гордостью за себя он взгляделся в схему на экране монитора. – И все-таки я не зря вертелся!

– Что же дальше? – спросил он себя. – Дальше – тишина...

– Бля, нах, Серый, хули ты, еб твою мать, выебываешься, – раздался с улицы глас простого народа. Монтеков, поморщившись, справедливо рассудил, что спертый воздух лучше свежего мата, и закрыл окно своей однокомнатной квартирki с видом на МКАД и помойку. Но сие действие не полностью закрыло Монтекова от мира – запах прокисшего кваса со стороны входной двери угрожающе нарастал.

– Рано и напрасно радуюсь. Обложили, – вздохнул Роман. – Зрение, слух и обоняние оккупировали, осязание на очереди...

В дверь часто и мощно застучали. Монтеков взглянул в глазок. Серьезный мужчина в грязной тельняшке остервенело молотил ногами по кожаной обивке.

– Тебя бы в комнату, обитую ватой, – мечтательно произнес Роман и открыл дверь.

– Чего шумим? – осведомился он.

– А че ты так нервничаешь? – исподлобья взглянул на него мужчина.

– Ты меня с кем-то перепутал, – улыбнулся Монтеков.

– Вас перепутаешь, как же, – рыгнул мужчина. – Все из себя не такие, польты со шляпами прямо из Израиля, а я...

Мужчина судорожно сглотнул.

– А ты, исчадие России? – заботливо спросил Роман.

– А мне полтинник дал, быстро! – заорал мужчина. – Я тут квас на опохмелку сам варю, а они по Парижам ездют! Нет, чтобы квартиру нормальную купить или соседям помочь!

– Трубы в адском пламени? – цокнул языком Монтеков.

– Ты мне издевки брось, жидовье парижское! Иностранцы к нему ездют с ЦРУ, ложу мне тут масонскую под боком устроили!

– Эдит Пиаф мешает слушать Эдиту Пьеху? – сощурился Роман.

– Че ты людей не любишь, гнида? Хватит валить с больной головы на здоровую, быстро дал полтинник! А не то я тебе газ вырублю и всю твою квартиру сожгу на хер!

– Вчера с протянутой рукою ныл, а теперь ядерный шантаж устраиваешь? – покачал головой Монтеков. – Не дам!

– Ах, жалко им! Конечно, русский человек пусть подышает, а эти евгеюги коньячок кушать будут! стакан бы хоть налил!

– По пунктам, – отвечивал Роман, равнодушный к звуку своего голоса. – Я не еврей, а потомок русского княжеского рода, у меня просто лицо интеллигентное. стакан с полтинником я тебе давать не хочу и не буду. Любить тебя не собираюсь даже под дулом пистолета. Твои действия?

– Спалю на хер! – заорал мужчина. – А полтинник со стаканом сам с пепелища возьму! Русский человек и не такое делал, шведов набили, поляков замочили, французов выебали, немцев расхерачили, чехов утрамбовали, америкосов...

Монтеков аккуратно примерился и уложил квасного патриота затылком на изгаженный пол.

– Геноцид, – икнул мужчина и захрапел.

– Это реакция на «эврику»? – спросил Монтеков у потолка. – Ведь действительно спалит, – перевел он взгляд на соседа и закрыл дверь.

***

– Роман Олегович, – бархатным голосом спросил высокий мужчина с элегантной бородкой. – Вы же не думаете, что это кому-либо нужно?

– Я создавал свое изобретение не для того, чтобы оно кому-нибудь понадобилось, – ответил Монтеков.

– Поясните, – глаза мужчины были понимающими и ироничными одновременно. – Все ведь живут, чтобы кому-то понадобиться! Продать себя, купить нору, понадобиться одним, чтобы защититься от других, проявить себя, получить аплодисменты, продать аплодисменты, купить более удобную нору...

– Я не все, – заявил Роман. – И мне не нужны их аплодисменты для доказательства этого. Я сделал все, чтобы стать для них никем. Для меня лучшая награда – их равнодушие. Если они начнут мне аплодировать, я буду презирать их еще больше. А заодно и себя.

– Тогда зачем это? – мужчина кивнул на схему. – Пили бы коньяк, купались бы в согревающем море, заигрывали бы с девичьими телами, созерцали бы творения мертвых талантов...

– Я нахожу это не менее интересным времяпровождением, – улыбнулся Монтеков. – А может быть, и более. Этого еще никто не изобретал, а коньяк с девушками в море до меня уже распробовали все, кому не лень. Если бы сейчас кто-нибудь написал новых «Мертвых душ», или создал бы новую «Мону Лизу», этого бы никто не заметил. Но это не означает, что ничего не нужно создавать. Я творю не для вечности, не для людей, а для своей души.

– Никто и не спорит, – развел руками мужчина. – Однако, мне непонятен выбор, обреченный на забвение. Ведь проходимая червоточина – это модная тема для исследований в области путешествий во времени, а не в пространстве. Исследования в области временеподобных кри-вых получают гранты и у нас, и на Западе. А ваша идея использовать уплотнения черных дыр антигравитационной субстанцией, да еще с искусственным программированием плотности и атмосферы, во имя путешествия сквозь пространство... Практически это, возможно, осуществимо, но зачем создавать мертворожденный шедевр вместо живого шаблона? Пустоцветство!

– Потому, что мое творение должно быть мною. Не моей деградировавшей в угоду времени копией, а мною, без малейших отличий. Я прекрасно знаю свою планету, и мне неинтересно ее прошлое и будущее. Что же касается получения грантов – это вопрос удачи. Если я не получу их за уже кастрированную идею, это будет вдвойне обидно.

– Это звучит неестественно. Втайне от себя вы надеетесь.

– Естественность была бы более искусственной для меня. Как и наша планета.

– Но ведь планета, на которую вы хотите убежать, тоже искусственная...

– Я надеюсь, что она другая. Искренне надеюсь.

– Не напрасно?

– И что? Я не фанатик себя самого и своего творения. Я живу, как на экскурсии.

– Конца экскурсии не боитесь?

– Он может оказаться интереснее самой экскурсии.

– И все же, убежать от времени вы хотите...

– Нет, мне не нужно бежать от времени. Я сделал все, чтобы быть вне его. Но пространство меня не устраивает.

– В этом мы с вами похожи. Но только в этом. Вы подали мне прекрасную идею использования вашего изобретения. Я использую вас и вашу машинку по назначению.

– Мне не нужно, чтобы вы меня использовали. Я хочу, чтобы вы мне помогли.

– Я не хочу вам помогать.

– Я не позволю.

– Уже поздно. Вас заметили, вас поняли. Но наши цели не совпадают.

Мужчина взял схему и положил к себе в стол.

– За вами пришлют, – кивнул он.

– Немедленно отдайте, – засверкал глазами Монтеков. – Вы меня не украдете! Тем более, у меня самого!

– Приоткройте кокон собственных иллюзий, – усмехнулся мужчина. – Я уже вами владею. Причем, с самого рождения.

– Кто вы?

– Одна из оболочек судьбы. Мое земное имя – Асмодей Адамович Адов. Для вас – просто Асмодей Адамович.

– Дешевый эффект. И что вы, Князь инкубата, делаете в патентном бюро?

– Не воспринимайте всерьез пространство. Ведь быть вне времени у вас получается, к чему полумеры?

– Но мы ведь где-то?

– Вы и я – лишь игра вялого ума Люцифера. Да и сам он – лишь выдумка. Что же касается лично вас, вы сейчас в моем сознании.

– А вы?

– В момент времени, который сейчас поглотил вас, я фланирую по той планете, на которую вы хотите убежать. По иронии мироздания, она действительно вам подходит. Но это не спасет ни ее, ни вас.

Монтеков, почувствовав приступ неконтролируемой ненависти, схватил Асмодея за горло и стал душить, но почувствовал удушье сам. Захрипев, он отпустил руки и проснулся. Шея болела от собственных рук.

«Пить надо меньше, особенно на ночь», – с облегчением подумал Монтеков. – «И заду- мываться тоже».

***

Монтеков постучался в безликую дверь, и, не услышав ответа, вошел.

– Здравствуйте, – улыбнулся он.

– Вы по какому вопросу? – нахмурилась молодая девица в строгом офисном костюме.

– Я – Роман Олегович Монтеков. Я ведь с вами договаривался на десять часов?

– Я не помню, – с раздражением буркнула девушка, обдав его навечно заледенелым взглядом. – Вы по поводу междупланетного портала, что ли?

– Межпланетного, – поправил ее Монтеков.

– Мне без разницы.

– Вам-то конечно, но грамматике...

– Не умничайте, вы в солидном учреждении. Должность у вас какая?

– Старший аналитик.

– В тридцать пять лет? У меня муж в тридцать уже ведущего аналитика получил, потому что башка варит!

– У меня, в отличие от вашего супруга, не башка, а голова. Причем мыслящая, а не с недоваренной кашей.

– Ну, вы и хам! – скривилась девица, смерив цепкими глазками орлиный нос Романа. – Вы кто по национальности?

– Это имеет решающее значение? – спросил Монтеков, нарочито грассируя.

– Все с вами ясно...

– И жизнь, как жемчужную шутку Ватто, умеют обнять табакеркою...

– Что вы от меня хотите? – перебила его девушка, сделав вид, что не слышит и не видит Романа.

– Мне лично от вас ничего даром не нужно. Петр Петрович сказал обратиться к вам. Вы отвечаете за рассмотрение подобных проектов?

– Было бы, что рассматривать, – фыркнула девица. – Полный бред. Вы уже как бы не мальчик, чтобы о других планетах по типу думать.

– Вы по существу умеете разговаривать? – с ледяным спокойствием спросил Монтеков.

– Не смей повышать на меня голос! – заорала девица.

– Я бы не посмел. Официальных объяснений я не услышу?

Девица подчеркнуто агрессивно швырнула на стол бумажку. Роман поднес ее к глазам.

– Действительно, бред. Черная дыра не сама ищет планету с аналогичной твердостью и атмосферой, поиск формируется с помощью искусственно направленных протонных столкновений. Создание червоточин – это следствие направления потоков, а не их причина.

– Как захотела, так и написала!

– Как пожелаем, так и сделаем...

– Я не могу с вами работать, покиньте помещение, – устало сказала девица.

– Глупо этим гордиться, – пожал плечами Монтеков.

Жирный и монументальный юнец величественно прошел к столу девушки. Несмотря на возраст, молодой человек явно был в команде крупных руководителей чуть ли не с детского сада.

– Здравствуйте, Альберт Петрович, – залебезила девица.

Альберт Петрович тяжело вздохнул и опустил свое грузное тело в кресло.

– Эх, Танечка, – пожаловался он. – Кругом такая скверность! Модернизацию объявили, а все уклоняются, как призывники. Только наезд-откат-отъезд. Не можем ничего сами изобрести, мир удивить, чтобы это они у нас покупали! Дерзость мысли отсутствует, омещанились, пассионариев ни хера нет...

– Ужас! – поддакнула Татьяна. – Уж я и лично командую – изобретите, мол, чего-нибудь, а они только нефть, бабло, откат...

– Кстати, как насчет двух последних категорий? – заинтересовался Альберт Петрович.

– Там, значит схема такая, – с азартом произнесла Татьяна, – От Жучилова придет Червяков с подписью Вошкина...

Монтеков усмехнулся и вышел.

«Русский шулерский закон», – думал он, шагая по надраенному коридору. – «Играешь в покер, а твои партнеры играют с тобой в «козла». И не успеваешь опомниться, как оказываешься в дураках. Но ведь все изначально ясно, вплоть до моего конца. Обходи их – попадешь в тупик. Пойдешь прямо – забетонируют. Вот и хочется в другую галактику, где можно ходить спокойно».

Когда трехлетний Рома Монтеков узнал, что Земля круглая, он очень расстроился. «Как же так», – подумал он. – «Ведь тогда с нее никуда не денешься! Ничего, слесаря позову, и он все исправит». Спустя семнадцать лет он понял, что слесарь ему необходим. А спустя еще пять лет занялся слесарными работами самостоятельно. Но без фанатизма. Ведь был еще город, далекий от идеала другой планеты, но из реальных вариантов наиболее близкий к совершенству.

«Рене, позвони», – мысленно попросил он. – «Место рождения – не моя вина. Я достоин Парижа. Когда же ваши деловые интересы опять пересекутся с моими мозгами? Пусть ваши интересы обовьются вокруг моего таланта, пусть даже частично его свяжут, но дадут ему не ошметки жизни, а аккуратно дозированные кусочки!»

Остановившись перед дверью в свою квартиру, Роман усмехнулся – замочная скважина была вновь залита клеем.

– Хоть кретинизм и бесконечен, но как же он ограничен! – воскликнул Монтеков, и, достав электронный ключ-брелок, щелкнул кнопкой. Дверь пикнула и милостиво пропустила Романа. Мобильный телефон завибрировал двери в ответ.

– Рома! – перекивая треск, воскликнул голос с нездешним акцентом, ударяя на последний слог имени Монтекина. – Ты говорить способен?

– Рене! – обрадовался Роман. – Вообще-то человеческими особями я могу лишь общаться, но с тобой могу иногда поговорить. Но ты ведь звонишь не для разговора?

– Рома, старик тебя снова требует, – деловито произнес Рене.

– Навсегда? – осведомился Монтеков.

– Пока лишь на две недели. Когда ты сможешь прилететь?

– Сегодня.

– Ты очень много шутишь для делового человека...

– С вами я до смешного серьезен. Встретишь меня у де Голля часиков в десять? По вашему времени, конечно.

– Тебя что, уволили?

– Не дождутся. Что ты удивляешься, ты же мне сам бизнес-визу выправил!

– Но твое руководство...

– Не будем о скучном до завтрашнего утра, хорошо?

– Как скажешь, – Рене повесил трубку.

Роман вызвал местного врача и такси. Потом заказал авиабилет Москва-Париж и позвонил начальнику.

– Петр Петрович, – захрипел он, – Я сломал ногу...

– Кому? – сухо поинтересовался шеф.

– Все себе, на других ни времени, ни желания нет.

– Какую ногу-то?

– Левую...

– Какой ужас! Чем же вы будете делать ваши проекты?

– Вашей правой рукой, то есть господином Серькиным. Или он в данный момент очень занят?

– Вам не все равно? Вы ведь не просите, вы ставите в известность! Сколько будете левачить?

– Врачи дали две недели...

– Премии не дам, больничный не оплачу, но потребую, – посулил Петр Петрович.

– Я оправдаю и предъявлю.

Шеф бросил трубку. Гудок трубки отозвался звонком в прихожей. Монтеков щелкнул брелком.

– Открыто! – крикнул он.

На пороге появился угрюмый и помятый врач.

– Договоримся сразу, – быстро сказал Роман. – Больничный на две недели без дальнейших контактов – стольник евриков.

– Легко! – прояснился в лице эскулап.

– Такси заказывали? – захрипел телефон.

– Бегу, – сказал Монтеков, бросая электробритву и лапшу из галстуков в свой дорожный чемодан. Сунув купюру в лапу врачевателю, он припустился к лифту.

– Больны-то вы чем? – крикнул вдогонку врач, выходя из квартиры.

– Душой, – ответил Роман и закрыл дверь кнопкой на брелке. – А еще у меня левая нога сломана. Будьте здоровы!

– И тебе не хворать, – ответил врач.

Сев в машину, Монтеков попросил выключить радио, не курить и ехать в «Домодедово».

– Как ехать-то будем? – спросил водитель.

– Желательно молча.

– От вас едем по Козловской или сразу на МКАД?

– Что еще за Козловская?

– Ты, я вижу, совсем Москвы не знаешь, – с превосходством сказал водитель, решив, что с человеком, не знающим неведомой Козловской, не стоит церемониться.

– Раз уж мы выпили на брудершафт, можно интимный вопрос?

– Давай, – снисходительно разрешил шофер.

– Имел ли ты любовную связь с Анной Карениной?

– А, это телка из нового сериала. Нет, а че?

– То есть, ты девственник?

– Че? – не понял пошловатой, но чересчур тонкой шутки шофер.

– Ниче, – устало сказал Роман. – До «Домодедово» езжай по МКАДу.

– Как от тебя на МКАД выезжать?

– От пивной палатки направо, далее от детского сада прямо до сумасшедшего дома. Как увидишь плакат с планом Лилипутина, рули вправо и приедешь, – объяснил Роман.

– Ты за кого на выборах голосовать будешь?

– Надеюсь, что за Саркози.

– Я серьезно, за Лилипутина или за Призонова?

– Я не знаю Призонова, и знать не хочу, – сказал Монтеков. – А Лилипутина – тем более!

– Ну, ты даешь!

– Я еще ничего тебе не дал, но могу.

– Ты че, Призонова не знаешь?

– Не встречал. Как он при личном знакомстве?

– Я еще не видел Александра Аркадьевича вживую, но знакомые видели, – потеплел голос шофера. – Говорят, умный мужик, с башкой на плечах. В Давосе выступал по макроэкономике, английский знает! По телевизору выступал по возрождению СССР, рэп плясал, оркестром дирижировал! Всех черножопых обещал вырезать! Правильно, а то я читал, что они самому мэру угрожают!

– Не волнуйся за Лесополева, у него все будет в порядке, причем при любой власти. Призонова я твоего помню. Фюрер из ГУВД... Он вроде с Вовой Эдельштейном в паре работает. По крайней мере, его школа и типаж.

– Да что ты гонишь! – рассердился водитель. – Ты хоть понимаешь, что Призонов может сделать для страны?

– Я понимаю. А ты?

– А я нет, – после некоторой паузы признался шофер. – Но Россию он с колен поднимет!

– Да, Россию лучше употреблять стоя, чем на коленях. Только он ее потом на спину повалит. В этом плане он политик консервативный.

– До «Домодедово» с сегодняшнего дня полтора часа, – вдруг сменил тему шофер.

– Была же тысяча еще вчера!

– Говоришь много, – зверски взглянул на Монтекова водитель.

– Зато свободно и независимо, – буркнул Роман, – Хоть мне это и дорого обходится. Ты никогда не задумывался, почему Россия, уже большая девочка, все на коленках ползает?

– Я не хочу задумываться, – процедил таксист.

– Да, тебе вредно, – согласился Монтеков.

***

– Не надо! – разбудил Романа полуживотный визг. Монтеков с досадой открыл глаза и прислушался. Крик исходил со стороны окна.

«Ну и что?», – подумал Роман. – «Пусть они жрут друг друга, это неинтересно. Сегодня помогу жертве, а завтра она станет моим палачом? Я в эту одномерную игру не играю со вре-

мен подслеповатой юности». Но любопытство взяло верх, и Монтеков выглянул в окно, твердо решив быть созерцателем, а не участником.

Окровавленный самородок луны освещал перекошенное лицо. Оно ежесекундно менялось, и Роман увидел лицо своего соседа, меняющееся то на лицо покойного отца, то на жестокие лица детей, то на прыщавые морды, искаженные бездумной агрессией, то на гладкие ледяные рожи с пустыми глазами. Но одно в лице оставалось неизменным. Струйка крови текла по трансформирующемуся лбу.

На многоликое лицо падала тень. Вдруг тень счастливо расхохоталась, и подняла искрящийся клинок. Беспорядочно опуская клинок на лицо, и оставляя новые кровавые пятна, тень лихорадочно подпрыгивала.

– Кто ты, помощник? – спросил Роман.

Тень повернулась к Монтекову, и он узрел собственное лицо.

– Я готов стать твоим соучастником, – поморщился Роман. – Но становиться тобой противно.

Тень подняла окровавленный нож и медленно пошла навстречу Монтекову.

– Князь, – спокойно сказал Роман. – Давайте без театральной символики. Что вам нужно?

– Мне нужно, чтобы вы увидели этот сон, – послышался бархатный голос.

– Я хуже или лучше этого себя?

– Вы опаснее его, Роман Олегович. Но ваше изобретение еще опаснее вас, – голос Асмодея растворялся в кровавом клинке, опускающемся на грудь Монтекова.

«Проснуться!» – скомандовал себе Роман.

– Зачем? – спросил его Монтеков с окровавленным ножом. – Сон нереален. Это твоя дверь, твоя дорога, твое убежище. Как Земля, как Париж, но свободнее...

– Ты прав, – голос Романа дрогнул. – Я не хочу просыпаться.

– Придется, – подмигнул ему возникший из ниоткуда Асмодей Адамович.

Монтеков открыл глаза, и увидел прозаичную Сену, монотонно плещущуюся за круглым окном.

«Рома, это был кошмар. Ты в Париже, в боат-хаусе, и утром тебя ждет Рене. Ты ждешь постоянной работы и не менее постоянного гражданства», – успокоил себя Монтеков и сладко потянулся. Луч света пощекотал его орлиный нос. Роман сощурился и полностью проснулся.

***

Планета Земля, Франция, Париж.

Весна грела Монтекова, изредка поглаживая ветерком по голове. Громадный фонтан с игрушечными корабликами казался величественнее и красивее целого мира. Запахов не было – были лишь ароматы. Люди гармонировали с природой, и делали это ненавязчиво. Трапеза в парижском кафе была бы великолепной, если бы рядом с Монтековым не сидел бубнящий о финансовых рисках Рене.

Рене, неподдельно увлеченный переливанием из пустого в порожнее, давно надоел Монтекову своим чересчур серьезным отношением к работе, ограниченностью и замкнутостью на бизнес-процессах. Роман бросал ему деловые реплики, и недоумевал тому, что сад Тюрильи в глазах парижан – лишь рутинная декорация для деловых бесед.

– Вы никак эмигрировали, Роман Олегович? – язвительно спросил кудрявый толстяк с соседнего столика.

– Никак не эмигрировал, Максик, – ответил Монтеков, нимало не удивляясь, что встретил своего бывшего сокурсника в Париже.

– Твой друг? – спросил Рене.

– У меня никогда не было друзей, и, надеюсь, не будет, – ответил Роман.

– Мне Саня говорил, что ты эмигрировал, – не отставал толстяк.

- Сане виднее, – зевнул Монтеков. – Хоть я и не знаю, кто это.
- Что же ты никого в упор не видишь! – возмутился Максим.
- Пересядьте к нам, – предложил вежливый Рене.
- Не собираюсь! – с гордостью сказал Максим. – Я на другой стороне баррикад!
- Как хорошо, что я не лезу ни на какие баррикады, – усмехнулся Роман и впился в коньячный бокал.
- Да что ты! – с издевкой сказал Максим. – То есть, сотрудничество с парижской компанией и попытки покинуть родину именно тогда, когда ей плохо – это не баррикады? Самые страшные противники России – это не бойцы, а конформисты!
- Я не воюю с теми, кто мне неинтересен, – сказал Роман. – И не надо путать конформизм с эскапизмом. Вы едины, я один. У вас поза, у меня позиция.
- Очень удобная позиция, – саркастически произнес Максим. – Такой комфорт позорен!
- Простите, я не очень хорошо говорю по-русски, – извинился Рене. – Почему вы считаете удобства позорными? В Европе немного другая точка зрения...
- Он считает, что позор – это когда драка, а я мимо, – сказал Роман. – Он думает, что даже если я одинаково равнодушен к обоим драчунам, то гражданский долг мне велит.
- Вот именно! – пафосно сказал Максим. – А если не любишь обоих – принимай сторону слабейшего!
- И когда слабейший станет сильнейшим – перебегай обратно, – добавил Роман. – Не любишь бегать – бей, и наоборот. А если я не люблю и бегать и бить?
- На таком молчаливом неучастии держится фашистский режим Лилипутина! – воскликнул Максим.
- Я-то думал, что он держится на говорливом участии, – отпил коньяка Монтеков. – Ты вот, например, еще на пятом курсе на меня в деканат писал, что я иронично про Бориса-освободителя говорю. Вот ты и пресек идеологического противника! А которые, значит, анонимок не писали – из-за этих Лилипутинов и фашиствует...
- Да, я не всегда принимаю сторону слабого, – воинственно нахмурился Максим. – Но сейчас я – на стороне России!
- Россия у нас сейчас кто? – переспросил Монтеков.
- Призонов, конечно!
- О, да. Очень ослабевший мужчина. А если сил наберется?
- Надо же за что-то умереть, – севшим голосом сказал Максим. – Из двух лжецов я выберу наиболее правдивого!
- А жить ты не хочешь, ибо жизни без свободы нет. Максик, тебе просто нравится бороться, и ты боишься одиночества. Я не люблю борьбу и обожаю одиночество. И из-за этого записывать меня во враги родины нелепо.
- Вне родины, вне времени, вне людей, – хмыкнул Максим. – Так не бывает.
- Так трудно, но легко. И возможно.
- Товарищи, кто в Лувр не обилеченый? – визгливо вскрикнула дама, окруженная группой русских.
- Я! – пулей подскочил в кресле Максим. – Я не обилеченый!
- Облив Романа и Рене презрением и пивом, он устремился к коллективу.
- Что он хотел? – спросил Рене, вытирая рубашку.
- Поесть и покритиковать, – Монтеков закусил коньячок козьим сыром и достиг седьмой степени самосозерцания по капитану Шотоверу. – И у него все получилось.
- Как-то суетливо, – недовольно сказал Рене.
- Не суетятся лишь те, кто салом заплыл, – с гротескным пафосом сказал Роман.
- Так ты же худой, – не понял Рене.
- Я мудрый, – объяснил Монтеков.

– А-а, – вновь не понял Рене.

Роман мог бы рассказать Рене о том, как пятнадцатилетним подростком он героически вытащил коляску с младенцем из пожара. Полупьяная мать младенца заснула с сигаретой в выщербленных зубах и очнулась уже в полыхающей квартире. Прихватив самое дорогое – бутылку домашнего самогона, мамаша сделала ноги. Проходивший мимо Роман, услышав младенческий плач, рискнул своей молодой жизнью и совершил благородный поступок. Мать буркнула благодарность и переложила бутылку в левую руку, прихватив младенца правой. Спустя двадцать лет пути спасенного младенца и Романа вновь пересеклись, но уже в темной подворотне. Роман отделался сломанной рукой, пальто и кошельком. За бутылку он узнал адрес вора у местных шпанят. Придя по адресу двадцатилетнего младенца, Монтеков увидел там все ту же мамашу, прихлебывавшую и икающую. Сын, будучи сошкой мелкой, но отмороженной, уже сидел за изнасилование несовершеннолетней. Роман понял, что если бы не его благородная глупость, рука, пальто и девичья честь были бы целы. Он вздохнул, угостил матушку бандита сигаретой, и покинул будущее пепелище.

Также Монтеков мог бы рассказать Рене о своей недолгой семейной жизни. О том, как двадцатипятилетний Роман выбрал наименее примитивную и наиболее красивую из всех имеющихся у него на тот момент девушек и сбежал от холостяцких проблем в проблемы семейные. Любовь к Роману, Пастернаку и филологии плавно сменилась страстью к семейному бюджету, продуктам и дамским ток-шоу. Монтеков был «должен» и «обязан» (два слова, которые Роман на дух не переносил) – содержать семью в лице жены и ее матери, ездить за продуктами и выносить мусор, прекратить выпивать, завести полезных друзей, сменить работу, квартиру и характер. Любые попытки завести разговор чуть выше плинтуса заканчивались истерикой. Любое нарушение вышеупомянутых обязанностей каралось слезами и пощечинами. Правда, все эти минусы вознаграждались чистой квартирой, порядок в которой устраивал лишь супругу Романа, вкусным ужином, который не лез в горло из-за попреков им же, почти ежедневным сексом, незаметно превратившимся из удовольствия в повинность, а также заботами и играми с маленьким плодом этого самого секса. Но даже дочь Надя не смогла уберечь брак Монтекова – Роман был более свободолюбив, чем чадолюбив. Однажды Монтеков привел в квартиру юную девушку, бывшую лишь предлогом для достижения свободы, и радостно предложил развестись. Супруга, крича об эгоизме самца, преданной любви, лучших годах, ответственности за тех, кого мы прописали и прочие экзюперы, вырвала у Романа дочь с половиной квартиры. Квартиру Монтеков отсудил назад. Вместе с квартирой пыталась вернуться и супруга, обещая прочитать Дюрренматта и научиться готовить фаршированного гуся. Роман был тверд. Супругу он принял, но вновь жениться и предоставлять жилплощадь отказался. Тогда бывшая супруга разбила дорогую вазу, оделась, и, завывая о мужской подлости, уехала к маме в Воронеж. Роман рвался к дочери, но государство и бывшая жена напрочь проигнорировали его порывы. Постепенно любовь к маленькому ангелу Наденьке сменилась лишь редкими воспоминаниями, подогреваемыми ежемесячными алиментами.

Монтеков мог рассказать эти незначительные, но символические эпизоды Рене, но не стал. Рене бы не понял подтекста. К тому же Роману не было нужно понимание французского коллеги, и он перевел разговор на близкую Рене тему – сексуальные достоинства девушки, вот уже трое суток проживавшей на съемном боат-хаусе Монтекова. Других выдающихся качеств у девушки не было, но Рене этого не замечал, а Роман не искал.

– Я завидую твоей жизни, Рома, – понурился Рене. – Представляешь, у меня никого, кроме жены, уже полгода не было!

– Эту драму нужно срочно превращать в комедию, – серьезно сказал Монтеков. – Что же ты со мной сидишь? За дело – ищи тело!

– Душа тоже имеет значение, – неуверенно сказал Рене. – Вы же русские, для вас главное – душа, Толстой и Достоевский.

– Теперь русские кумиры – евро, Лилипутин и Дельцова, – отпил еще коньяка бездонный Роман. – А душа, Толстой и Достоевский – это параллельный мир, не пересекающийся с убогой реальностью моих соплеменников.

– Кстати о параллельных мирах! – Рене хлопнул себя по лысеющей макушке. – Твоя идея о межпланетном портале понравилась старику. Он хочет с тобой переговорить, и разрешил позвонить на свой личный мобильный.

Стариком называли главу компании, Жака Ренара. Монтекову очень повезло – Ренар увидел работы Романа именно тогда, когда они были нужны им обоим. Нужное Жаку Ренару время пересеклись с нужным Монтекову местом, и они заключили договор о многократной работе по совместительству. Этот договор никак не мог стать договором о постоянной работе, несмотря на все усилия Романа. Его творчества было мало – нужно было грамотно блюсти корпоративный кодекс, пусть европейский, но все равно абсурдный. К примеру, для внештатного сотрудника разрешение позвонить на личный телефон президента Ренара было сравнимо лишь с подарком «Пежо» местному клошару.

«Неужели надежда на прижизненное признание оправдывает себя?» – подумал Монтеков. – «Главное, чтобы везение не повезло меня к обрыву».

***

Душа Романа рвалась в небеса, а щеки болели от улыбки, упорно не желавшей скукоживаться. Жак Ренар был вежлив, восхищен и платежеспособен. Он подписал договор о финансировании монтековского изобретения, а также передал Роману право распоряжаться нештучным бюджетом. Ренар угостил Монтекова дивным вином шестидесятилетней выдержки, пожал руку и велел оперативно решать вопрос с получением вида на жительство во Франции.

«Русские ненавидели меня за то, что я интеллеktуал-одиночка, да еще и якобы еврей. Что же, родные, теперь я француз! Истинная родина не гонит, а ценит», – думал Роман, проходя девять кругов ада в куче безликих бюрократических учреждений. На бегу, не думая и не чувствуя ничего, кроме усталости и отвращения, он сменил гражданство и продал квартиру, переведя деньги на свой парижский счет. Окончательно он проснулся от жуткого полусна в зале ожидания «Домодедово». Выпив кофе с коньяком, он поздравил себя с первым шагом к победе над законами мироустройства.

– Папа, я отомщу за тебя! И за тебя, Игорь, братик! Господи, мы были, как одна душа, как одно тело, и теперь половину моей души отняли, убили, растоптали, – донесся крик с экрана телевизора.

– Что за дешевая мелодрама, – поморщился Монтеков.

– Вы что? – с искаженным лицом спросил его сосед по столику. – Это же Призонов!

– И что? – пожал плечами Роман.

– Кто? – взревел из телевизора Александр Призонов. – Кто лишил президента России отца и брата? Кто осиротил защитника русского народа, я вас спрашиваю!

– У Лилипутина кого-то убили? – не понял Монтеков.

– Причем здесь Лилипутин? – шикнул на него сосед, отправив в рот упаковку валидола. – Господи, это конец...

В кадре появился Николай Платонович Пастухов, директор ФСБ.

– Согласно показаниям убийц, пойманных благодаря оперативным действиям ФСБ, – кашлянул он. – В обоих случаях действовала организованная группа профессиональных киллеров. По признаниям обеих групп, киллеры были наняты разведслужбами стран Запада и Европы. В организации убийства принимали участие ЦРУ, МИ-6 и Моссад...

– Кто теперь этот Призонов? – с недоумением спросил Монтеков.

Сосед с ужасом посмотрел на Романа и пересел за другой столик.

– Это удар по престижу всей России, – со скорбью и с телеэкрана сказал Александр. – Это пощечина, которую можно смыть только кровью. И господа из «большой восьмерки» очень заблуждаются, если думают, что Россия стерпит подобное оскорбление и не ответит на него!

«Кто-то разыграл очередную лихую комбинацию», – усмехнулся про себя Роман. – «Опять российский циферблат развернется на сто восемьдесят градусов. Но мне уже неинтересно. В пятом, семнадцатом и девяносто первом Россия этот урок проходила, хотя и не выучила».

В самолете Монтеков отгородился томиком Салтыкова-Щедрина от сюрреалистического разговора пары пьяных животных, бывших его вынужденными соседями по самолету. После посадки он брезгливо протиснулся сквозь них, и зашагал к выходу. Тогда ему казалось, что это действительно выход из гротескного зоопарка, в который его забросил фатум.

На выходе он увидел спящего Рене, удобно прикрывшего глаза табличкой «Montekov». Роман потряс Рене. Рене открыл глаза, но не проснулся.

– Рене, я тебе зачем-то нужен? – переспросил Монтеков. – До своего боат-хауса я мог бы добраться самостоятельно.

– Ты нужен, но не мне, – заговорщицки шепнул Рене.

– Я не хочу быть кому-то нужным.

– Почему?

– Потому что я актер, презирающий публику.

– Но ты нужен публике!

– Публике нужны кровь, любовь, деньги и дразги. Я не являюсь ни одним из этих ингредиентов, и не хочу ими быть.

– Ты понравился Ренару и стал деньгами, – Рене облизнулся. – Пойдем, выпьем?

– Первая трезвая мысль, – кивнул Монтеков.

Коллеги сели за столик кафе внутри аэропорта. Рене заказал красного полусухого.

– Скажи, Рома, тебе ведь все равно, кто будет финансировать твоё изобретение? – спросил Рене.

– Нет, – сказал Монтеков и добавил после паузы. – Но я готов рассматривать варианты.

– Это че, по типу демпинг? – донеслось с соседнего столика. Роман поморщился, узрев за ним пару бывших соседей по самолету.

– Твои идеи хочет перекупить твой соотечественник, – сказал Рене.

– Это хуже, чем иностранец, – хмыкнул Монтеков. – От соотечественников я уже пятнадцать лет не жду ничего, кроме смеси глупостей и немотивированной агрессии. И они целиком оправдывают мои ожидания.

– Психи ебанутые! – раздалось с соседнего столика.

– Вот именно, – подтвердил Роман.

– Он эмигрант, – возразил Рене. – Лондонский банкир.

– Уже лучше, но я не люблю Лондон. Дожди и туман, скрывающий пустоту.

– Он готов платить тебе втрое больше, чем Ренар.

– Его акции растут. Кто он?

– Его зовут Леонид Альбертович Подболотов.

– Этот господин вроде бы убит. Причем дважды. Первый раз взорван в Москве, а второй – отравлен в Бостоне.

– Может быть, он мертв, но он попросил меня убедить тебя.

– Я всегда симпатизировал мертвецам, – кивнул Монтеков. – У нас много общего.

Заспанный официант принес вино и сыр.

– За правильный выбор! – поднял бокал Рене.

– За правильный ответ! – Роман наполнил свой бокал. Бокалы тускло звякнули друг об друга.

– Не пей вина, Монтеков! – раздался резкий и совершенно трезвый возглас с соседнего столика. Удивившийся Роман опустил бокал. Рене, которого погубило плохое знание русского, отпил и схватился за горло.

– Рене, – потряс коллегу Монтеков. Рене захрипел и обмяк.

– Ступай, отравленная дрянь, по назначению, – лицо одного из мужчин с соседнего столика приобрело человеческое выражение.

– Вы притворялись, – констатировал Роман.

– Это наша работа, – кивнул второй и со скоростью света прыснул в лицо Монтекова из неизвестного баллончика.

Когда Роман открыл глаза, реальность пугающе изменилась. Монтеков снова сидел в самолете, а пара попутчиков по-прежнему сидела рядом.

– Куда мы летим? – спросил Роман, почти не надеясь на адекватный ответ.

– В великую страну, господин Монтеков, – сказал первый.

– На вашу родину, – добавил второй.

– Я догадался, – сказал Роман. – Это Европа цивилизованная, а Россия вечно великая.

Но я практически гражданин Франции!

– Как можно быть гражданином несуществующей страны? – усмехнулся первый.

Монтеков взглянул в иллюминатор и с ужасом отшатнулся. Над знакомыми огнями Парижа нависал ядерный гриб.

– Спалил-таки, – беспомощно прошептал Монтеков. – Значит, мои надежды – это сон?

– Не сон, а уничтоженная реальность, – поправил его один из соседей.

– Вы бы хоть представились, – пришел в себя Монтеков.

– Евгений Бондейкин, – представился первый.

– Андрей Лужайкин, – сказал второй.

– Федеральная служба безопасности России, – добавил Бондейкин.

– И только России, – ухмыльнулся Лужайкин.

***

Планета Земля, Россия, Москва.

– Закуривайте, Роман..., – когтистый взгляд Бондейкина скользнул по орлиному носу Монтекова, – Олегович, я не ошибаюсь?

– Нет, не Абрамович, а именно Олегович, – с раздражением сказал Роман.

– Конечно-конечно, Роман Израилевич.

– Олегович, – поправил его Монтеков.

– Как вам будет угодно. Вы закуривайте, не стесняйтесь...

– Я не стесняюсь и не курю.

– Пьете?

– С достойной компанией.

– То есть, в основном, с собой?

– Бывают исключения, но это не ваш случай.

– Что же вы, Роман Моисеевич, не спрашиваете, почему вы здесь?

– Не люблю шаблонных ответов. Ведь вопросы здесь задаете вы.

– Неужели вам не интересно?

– Нет. Я прекрасно знаю, что нахожусь здесь потому, что Россия страдает редкой формой слепоты. Она может увидеть творческий талант лишь тогда, когда о нем крикнут со стороны Европы или начальства.

– Женя, что ты с ним цацкаешься! – взревел Лужайкин.

– Вот это естественнее, – кивнул Роман. – Хоть и не лучше.

– У меня инструкция быть вежливым, – растерялся Бондейкин.
– Плюньте на инструкцию! Первый раз, что ли? – дружески посоветовал Роман.
– Значит так, гнида! – побагровел Евгений. – Мы тебе, бля, навстречу идем!
– Забудьте инструкцию. Давайте без иллюзорных «навстречу». Искреннее, друг мой, – усмехнулся Монтеков.

– Ты, сволочь, будешь делать свой портал на родине! Денег на жизнь не дадим, но на существование хватит! Будешь выпендриваться – уроем падлу, нам это как два пальца!

– Без меня портала не будет, – Роман сделал попытку поторговаться.

– Нам по фигу! Отказался – мочим! Россия проживет и без талантов! – захлебнулся слюной Бондейкин. В его пустынных глазах засверкал российский флаг.

«Денег на парижском счету уже нет, это ясно», – подумал Монтеков. – «Если не убьют, то проигнорируют, что одно и то же. Откажусь – мат, конец игры, победа за ними. Соглашусь – шах, но можно маневрировать. Запасных досок уже нет, партия одна. Но гордость осталась».

– У меня были деньги в одном из парижских банков, – поднял глаза Роман.

– Зарубежные деньги сохранились лишь у наших, – ухмыльнулся Лужайкин. – А ты, Рома, не наш человек!

– И не буду вашим. Я отказываюсь от сотрудничества, – твердо сказал Монтеков.

– Дело хозяйское, – проворчал Лужайкин. – Ладно, квартальную премию все равно дадут. Чайку не желаете, Роман Олегович?

– Я не буду упрощать вашу задачу, – усмехнулся Монтеков.

– Чего уж проще, – хохотнул Бондейкин, наклонился к Роману, и свернул ему шею.

– Выступает, мыслит, а в итоге – всего лишь тело, – сказал Лужайкин. – Давай бумажку. Бондейкин достал из стола заранее отпечатанный листок.

– Так, пределов самообороны не нарушил, провел беседу грамотно, – подписал бумагу Лужайкин. – Мою подпиши!

– Главное – единство! – размашисто расписался Бондейкин.

***

Планета Земля, пустыня.

666 год со дня Апокалипсиса.

Красноватый песок нещадно обжигал босые ноги пары странных существ. Но они на это никак не реагировали, ибо привыкли и даже полюбили. Существа напоминали лысоватых усохших горилл с маленьким хвостом. Низкие лбы, огромные губы и крошечные, близко посаженные глазки производили бы отталкивающее впечатление на людей, но людей рядом не было. Между существами были и различия. Одно было рыжеватым, обернутым в козлиную шкуру. Второе было мельче и прикрыто шкурой, напоминающей его собственную шерсть, только чернее и гуще.

– Блянах, – гаркнуло первое. – Ели!

– Хулинах, – пролаяло второе. – Мало!

Морда первого существа приобрела сосредоточенное выражение. Его лапа указала вдаль.

– Соул! – рявкнуло оно.

– Блянах, свой? – подтявкнуло второе.

– Ебмать, не наш! – рыкнуло первое.

– Хулинах, чей? – гавкнуло второе.

– Не авторитет, блянах.

– Ебмать, мочим!

На горизонте появилось похожее на них существо, держащее в лапах свою крошечную копию. Маленькое существо мирно посапывало.

– Соул! – рявкнуло рыжеватое существо.

Существо с младенцем на руках вздрогнуло и пустилось наутек. Существо в черной шкуре кинулось на него. Рыжеватое существо бросилось на помощь другу. Минуту спустя эта пара с аппетитом сжирала мясо побежденного.

– Соул, ебать! – насытившись, сказала существо в черной шкуре и указало на крохотное существо. Младенец открыл глаза и жалобно пискнул.

– Закуска? – спросило существо в козлиной шкуре.

– Хулинах, выпить и баба! – ответило второе существо.

– Заклад?

– Нахер, сейчас! Сразу!

– Блянах, ели!

– Хулинах, мало!

– Окей, ебать...

Существа взяли младенца за шкурку и вдвоем понесли. Общая цель так объединила их, что одно предложило другому кусок мяса. Существо в козлиной шкуре с благодарностью его приняло, съело, и, достав из-под шкуры глиняную флягу, угостило своего товарища.

– Бартер, – рыгнуло первое.

– Дружба! – икнуло второе. – Песок кайф, а?

– Родина, блянах, – пустило слезу первое.

На горизонте показалось множество ям, заполненных лавой. Существа, похожие на двуногих быков с козлиными рогами, равнодушно окунали в лаву обнаженных людей. Заунывный вой иногда разбавлялся пронзительным визжанием.

Гориллоподобное существо в черной шкуре с поклоном поднесло младенца к группе быкообразных существ, стоящих с вилами наперевес.

– Господин инкуб, соул! – рыкнуло существо в черной шкуре.

– Он мертв или жив? – прищурившись, спросил один из инкубов.

– Какая разница? – хохотнул другой инкуб. Он деловито оглядел младенца и ткнул его вилами. Не обращая внимания на вопли малыша, он достал откуда-то лист пергамента и смочил его кровью младенца.

– Сам! – вдруг рявкнул инкуб и заглянул в глазки крошечному существу. – Сам, обезьяна!

Младенец притих, мазнул палец в собственной крови и доверчиво коснулся пальцем пергамента. Как только ребенок совершил необходимое действие, инкуб брезгливо его отшвырнул. Тем же жестом он швырнул гориллообразному существу пару глиняных фляг.

– Бабу! – попросило существо в черной шкуре. Рыжеватое существо его поддержало.

– Час! – строго сказал инкуб и выволок красивую молодую женщину из ямы с лавой. Ожоги на ее теле волшебным образом затянулись. Красавица открыла глаза и отчаянно завопила. Подобия горилл обступили ее.

– За что? – она всхлипнула, слезы лились из ее глаз. – Я простая девушка, я жила, как все!

– Именно за это, – усмехнулся инкуб. – За свою простоту ответят все! Особенно те, кто притворялся простым, будучи сложным...

– Кто это? – пролепетала женщина, с ужасом косясь на пристраивающихся к ней существ.

– Ваши очень простые потомки, – оскалился инкуб и повернулся к материализовавшемуся Роману Монтекову.

– Права не имеете! – орала женщина. – Я член партии с восьмого года!

– Ладно, два часа, – разрешил инкуб потомкам члена партии. Существо в козлиной шкуре поклонилось и поцеловало инкубу копыто.

– Это прошлое или будущее? – с интересом спросил Монтеков.

– Это вечность, – сказал инкуб и окунул Романа в яму с лавой. Роман молчал, корежась от боли.

– Дело не в том, когда преисподняя – в прошлом, в будущем или в вечности. Отсеките мелочи. Преисподняя в пространстве и она не иллюзорна, – подтвердил Жак Ренар, появившись рядом с инкубом.

– Я... не вас... хотел... видеть... – простонал Роман.

– Какое значение имеет оболочка? – Ренар недовольно щелкнул пальцами и принял свой истинный облик. – Зачем я вам понадобился? Вы ведь знали, что ваш отказ приведет ко мне.

Женщина заорала под парой существ.

– Не... кричите... игнорируйте... тогда... не так... больно, – процедил Роман.

– Кого вы учите, Монтеков? – улыбнулся Асмодей.

– Мучителей... выживанию... милосердие, – прохрипел Роман. – Неестественное... вымученное... милосердие... противное разуму и сердцу. Но... иначе... я стану вашим...

– Милосердие – игра! – щелкнул пальцами Асмодей. – Все игра, как бы вы к ней не относились! Купюру номиналом в жизнь вкладывают и разменивают. Глупо ее жечь, не потратив. Не будьте столь убийственно серьезны, сыграйте!

– Купюры номиналом в жизнь изначально разного достоинства. Я хочу играть с вами... не со слугами, – пробормотал Монтеков.

– Ах, вот зачем вам такой страшный эпизод. Не во имя опыта, а во имя гордыни. Нет, Роман. Не заигрывайте с дьяволом, ему не до вас. Вы ему не нравитесь, не тем что недовольны им, а тем, что пытаетесь ему уподобиться. Интеллект, поступки и власть вам не помогут. Вы родились человеком, да еще продолжаете им оставаться. Итак, я даю вам три секунды. Вакуум боли или вакуум слов? Просто слов...

– Не... умею. Не... против, хотя... противно. Но... не умею.

– Будьте собой. Но сыграйте. Отгородится нечем, убежать некуда.

– На «зеро», – скривился Роман.

– Нет, на черное. Оно точно выиграет. Я – ваша гарантия.

– И на «зеро»...

– Мудруете, Монтеков. Правильно делаете. Можете заодно и на красное. Главное, не забудьте поставить на черное.

– На черное! – взвыл Роман.

Существо в черной шкуре взревело. Женщина вновь завизжала. Рыжеватое существо впилося ей в горло.

Инкуб выволок Монтекова из ямы. Боль Романа утихла.

– Если девушка меня не слушается, то так ей и надо, – отряхнулся от грязи Монтеков. – Что дальше, Асмодей Адамович?

– Работайте, Роман. Именно труд сделал из человека обезьяну в шкуре! – Князь инкубата вновь щелкнул пальцами.

***

Планета Земля, Россия, Москва.

Роман ощутил себя на кожаном диване. Потряс головой. Белая, как в море, стена, возвышалась над ним. Прохладное, скудное и безжизненное помещение логически увенчивалось дубовым столом, безликой девицей и анонимной дверью.

– Я в тюрьме или в сумасшедшем доме? – спросил Монтеков.

– Вы в офисе! – процедила девица.

– Гибрид лучше целого, – сказал Роман. – Чей же это офис?

– Что вы придумываетесь! – всплила девушка. – Прямо по типу наказание какое-то. Что вы из себя строите? Вы кто такой?

– Наверное, для вас – я изобретатель межпланетного портала.

– Какой вы изобретатель! – девушка залилась искусственным смехом. – У вас по типу мания величия просто. Вы – старший аналитик, и все!

– Кто же тогда изобретатель?

– Изобретатель – это тот, кого им назначили!

– И кого же назначили?

– Правильно Мишка мне говорил – вы псих. Вы что, не знаете, что у нас нет должности изобретателя?

– Кто такой Мишка? – Монтеков задал наименее алогичный из всех возможных вопросов.

– Отстаньте! Русским языком вам как бы сказала – господин Тинин освободится через полчаса! Все, не приставайте, я по типу занята!

Девушка углубилась в пасьянс «Косынка», периодически проверяя сообщения на сайте знакомств.

«По крайней мере», – подумал Роман. – «Я знаю того, кого жду. Правда, не знаю, зачем, но в процессе выясню».

Роман уже имел неудовольствие работать с Сергеем Сергеевичем Тининым. Главбух «Бета-банка» легализовывал распил бюджета по приказу своего руководства. Но однажды Тинина подвела чрезмерная исполнительность. Бюджет был намного больше обычного, и настолько вспух, что его заметили сверху. Руководство господина Тинина решило, что главбуха дешевле сдать, чем делиться. Тинин, уверенный в своей защищенности, помноженной на безнаказанность, лишь самодовольно хмыкнул в лицо аудиторской комиссии. На всякий случай он попросил свою сестру, занимавшую солидный пост в налоговой инспекции, подстраховать любимого брата. Но половые связи победили родственные узы. Любовник сестры Тинина был подчиненным Сергея Сергеевича, и ночами страстно мечтал самоудовлетворяться соблазнительным бюджетом, а не рутинно жить с опостылевшей зарплатой. В результате Тинина посадили на восемь лет. Потом эти восемь лет фантастическим образом превратились в двенадцать. Но через год двенадцать лет неожиданно усохли до пяти. С приходом к власти великого сына России, то бишь Александра Призонова, мужественный диссидент Тинин, посаженный исключительно по идеологическим соображениям фашистского лилипутинского режима, был амнистирован. Обошлось это Сергею Сергеевичу недешево. Письмо в поддержку несправедливо осужденного, больного на все органы, да еще и с семилетним сыном, оставленным на целых два года без отцовской ласки (и очень этим обрадованным) было подписано тридцатью тысячами человек, по пять евро за подпись. Заказные статьи, а также пара теле- и радиосюжетов – еще сто пятьдесят тысяч. Еще по сто пятьдесят взяли на троих прокуратура, МВД и ФСБ. В общем, Тинин вышел на свободу с большой жадной деятельностью во благо Отечества. Практически без паузы он сжег партбилет «Единой России» и вступил в «Счастливую Россию». Партия решила направить Сергея Сергеевича на трудный и ответственный участок. С кабинетом, подчиненными и бюджетом, разумеется.

Наконец, Монтекова допустили к телу господина Тинина. Сергей Сергеевич вскользь взглянул на Романа и углубился в свой монитор.

– И вам здравствуйте, – вздохнул Монтеков и начал наугад. – Вам известна цель моего визита?

– Много говорите, – рассердился Тинин. – Где смета работ по межпланетному порталу? Монтеков порылся в карманах, но сметы не обнаружил.

– Хорошо, что вы ее еще не сделали, – обрадовался Сергей Сергеевич. – Дело в том, что я еще раз произвел оперативный аудит имеющихся ресурсов и понял, что бюджет на все работы по созданию портала, включая заработные платы, должен составлять не тридцать, а двадцать пять процентов от бюджета нашего департамента.

– А каковы остальные проекты нашего департамента? – ситуация из абсурдной превратилась в знакомую, хотя не менее нелепую, и в Монтекове проснулся исследователь. Впрочем, он никогда и не засыпал.

– Я удивляюсь вашей некомпетентности, – покачал головой Тинин. – Наш департамент создан исключительно для работы над порталом!

– Я правильно понимаю, – улыбнулся Роман. – Бюджет на создание портала должен составлять четверть бюджета на создание портала?

– Не ебите мне мозги! Здесь вам не Париж! Вы что, забыли, кто вы такой?

– Что здесь не Европа, я уже вижу. Напомните мне, кто я такой?

– Вы – рядовой сотрудник! Я поставил перед вами вопрос, и вы обязаны его проработать! Ваш вопрос – это четверть, а семьдесят пять процентов – это не ваш вопрос! Если вы не свой вопрос перед собой поставите, он на вас упадет и придавит!

– Почему я рядовой сотрудник? Ведь я изобретатель портала!

– Ну и что? Схему любой дурак нарисует! Я вам десять таких схемок за одну ночь нарисую! Главное, Рома – поступки и результаты. Создать ядерное оружие – это мелочь. Вот применить его – это поступок! И вследствие поступка имеем результат. А которые только создавали и не применяли – те в полном пепле!

– Быть варваром проще, чем творцом. Но, увы, эффективнее. Пепелище – это убогий результат, невзирая на его масштабы! Кстати, господин Тинин, скажите, почему руководитель – вы? Вы уже руководили такими проектами?

– Я уже руководил. Чем и как – дело десятое. А вы не руководили, поэтому вы – рядовой! Жизнь – конкуренция! Не добились, не пробались – получите меня! Я – профессиональный начальник и свое дело знаю.

– Свое вы знаете, не спорю. Но у нас, увы, есть еще и общее дело.

– Это ваши проблемы. Вы по науке, я по бюджету.

– В общем, вы усваиваете, то есть, осваиваете бюджет, а рядовой пусть работает. Все типично, я понял.

– Рад за вас. Кстати, в какие сроки возможно соорудить первый межпланетный портал?

– При нормальном финансировании и адекватных сотрудниках – максимум год. Но, учитывая ваше чуткое руководство и российский менталитет – минимум два года. Приплюсуем специфические условия – два с половиной года. И умножим эти сроки вдвое, беря в расчет ядерную войну по всем фронтам.

– Вот это, что вы тут того – глупость. Вы здесь мне не там, а я в наличии, поэтому – все в целом! – нахохлился Тинин.

– Что-что? – переспросил Роман.

– Я говорю, что всесторонний анализ финансовых рисков доказал уязвимость и непромерность вашей позиции. Временной промежуток выполнения плановых работ по portalу будет выполнен оптимально и в соответствии с плановым графиком, то есть в течение полутора лет плюс-минус полгода.

– А-а, ну если только это, так сразу и того, – иронично сказал Монтеков.

***

Планета Земля, Русская Империя,
Россия, Призоновград (бывшая Москва)
40 год от рождения Александра Призонова
(2013 год по старому летоисчислению)

– Чуть что – эти либеральные господа брезгают всем и вся, боясь испачкаться, – вещал с телеэкрана некто в очках, щетине и грязной футболке. – Возьмем пример. Заблудились в лесу сторонник идеологии либеральной и сторонник идеологии нашей. Что делает наш человек? Он убивает зверей, строит палатку, обживается, выживает и выходит из темного леса на волю! А либерал? Ах, ему противно проливать кровь! Он не хочет пачкать руки грязью, строя палатку! Да он же умрет, как и вся либеральная...

Седой, болезненно бледный человек с ярко-красными глазами вздохнул, отпил кофе и щелкнул пультом.

– Ну и что, что эта корпорация досталась в наследство? Если ум достается в наследство, им же не попрекают!

Щелк.

– Какой еще культ личности? Это же сколько дерьма надо иметь в башке, чтобы назвать искренние фильмы и превосходные памятники началом культа! Вы что говном харкаете? Хотите сказать, что мы возвращаемся в кровь, в грязь, в хаос, в фашистский режим Лилипутина? – зашелся в очередной патриотической истерике Михаил Блевонтьев.

– Не путайте культ с режимом, – робко произнес его оппонент, очень умеренный псевдооппозиционер.

– Что вас не устраивает в режиме? Вы как к Призонову сами относитесь? – перебил оппонентов Владимир Соловушкин.

– С большим уважением.

– Вот видите. И я тоже. И поэтому...

Щелк. Экран погас.

– Звери и темный лес, ум в наследство, искренние фильмы, – задумчиво сказал человек. – Иногда я думаю, что недооцениваю свой народ. Но тут же понимаю, что переоцениваю.

– Антихрист, зачем тебе все это? – из темноты выплыла прекрасная брюнетка.

– Миссия, – коротко сказал человек, моментально преобразившись. Волосы вновь стали иссиня-черными, тело порозовело, глаза приобрели нормальный цвет.

– Я спросила, зачем это тебе.

– Я понимаю. Между толпой из десяти голов и толпой из десяти миллионов тел есть только одна разница – в количестве. Но эта разница обеспечивает силу и безопасность. Мою, разумеется. В этом и состоит моя миссия. Парадоксально, но миссия папы – практически в том же.

– Лучше смотреть на них, как на смешной зоопарк, а не на страшных упырей, – женщина обняла мужчину.

– Дрессировка и угол зрения, – впился в ее губы мужчина. – Одно без другого бессмысленно.

– Кстати, о дрессировке, – брюнетка поцеловала шею мужчины. – Сегодня ваша филиппика, Император...

– Холуи уже ждут? – недовольно спросил Император.

– У ворот.

– Махаллат! – строго сказал Александр Призонов.

– И что? Подождут.

– Они – хоть вечность. Но я не хочу ждать. Всего.

Он вновь страстно поцеловал брюнетку.

– Седеешь, – сказала она, погладив его по голове.

– Волосы старше возраста, а лицо моложе. Хуже, когда наоборот.

– Особенно если паспорт старше тебя на пять лет, – усмехнулась Махаллат. – Тебе пора!

– До встречи, сестренка, – подмигнул Призонов.

Улицу высекал ливень. Члены правительства Русской империи, открыв зонты и рты, преданно ожидали Императора.

Новое прогрессивное правительство, уже в который раз ведущее мир к светлому будущему, почти целиком состояло из коррумпированных членов антинародного лилипутинского правительства. Аналитики и геополитики говорили, что это очень тонкий политический ход. Журналисты и публицисты усмотрели в этом многоходовую стратегию. Никому не пришло в голову, что Прионов принял это историческое решение спонтанно, как, впрочем, и все другие. Просматривая досье на членов правительства, он подумал, что таких сволочей еще поискать надо. А зачем искать, когда они уже нашлись?

Впрочем, кое-какие кадровые перестановки Александр Прионов произвел. Владислава Гиенова он назначил Глебом Падловским, а Падловского – Гиеновым. Премьера Зубатова он отправил на давно заслуженную пенсию. Новым премьером был назначен Иван Денисович Гонялов – бывший министр внутренних дел, бывший министр обороны, и, по слухам, распространяемым им же, бывший уголовник. Также Прионов вышвырнул в отставку и забвение Смердюкова и Лаврикова. На их места Александр Прионов назначил весьма интересных господ. Новым министром обороны стал Алексей Андреевич Угрюм-Бурчеев – узколобый мужчина с неподвижным лицом. Биография его была весьма туманна, но, как человек, представленный лично Александром Прионовым, он сразу же вызвал у россиян глубочайшее уважение. Министром иностранных дел был назначен Дементий Варламович Брудастый, суровый человек с родимым пятном в полщеки. Своим красноречием и верностью демократическим идеалам он моментально наполнил любовью сердца сограждан.

Александр Прионов сделал ручкой. Избранники народа вытянулись в струну. Император шелкнул пальцами, и тучи рассеялись. Дождь затих, и грязные зонты осветило яркое солнце. Правительство выразило свое восхищение, синхронно шелкнуло каблуками и распахнуло перед Александром дверцы персональных автомобилей – каждый член правительства на всякий случай предложил Прионову свое авто. Александр прошел мимо и сел в собственную машину. Перед тем, как сесть, он поманил пальцем Пастухова. Директор ФСБ рысью поскакал на зов и сел перед Прионовым на задние лапки и сиденье его «линкольна». Лимузин Императора тронулся, за ним гуськом потянулись остальные. Естественно, соблюдая строгую очередность. Сзади императорского «линкольна» пристроились еще трое идентичных автомобилей – один на случай покушения, второй на случай поломки, а третий на всякий случай.

– Прекрасный день! – восхитился Пастухов.

– Я старался, – кивнул Прионов.

– Между прочим, сегодня пять лет со дня смерти, – многозначительно сказал Николай Платонович.

– Бедный Вовик! Остался от господина Лилипутина лишь холмик за оградой кладбища, – улыбнулся Александр. – На похороны даже жена с дочками побоялись прийти! Только его собака каким-то образом добралась. Повыла, помочилась и убежала. Животное, что с него взять. Ни страха, ни разума, одна привязанность.

– Вы откуда знаете? – удивился Пастухов.

– Ты думал, только твои люди догадаются скрытую камеру поставить? – хохотнул Император.

– Я вообще-то имел в виду годовщину не этой смерти, – с какими-то новыми нотками сказал Пастухов.

– Коля, – Прионов внимательно взглянул на директора ФСБ. – Ты очень хороший исполнитель. Не стоит претендовать на роль душеприказчика моей бывшей и прошлой семьи.

– Вас понял, – понурился Николай Платонович.

– Кстати, почему моего отца убивало целых двадцать человек? Да еще с такими мерзкими рожами!

– Лично подбирал. А двадцать, потому что ваш отец не может быть слабым. Он же ваш отец, а не чей-то.

– Это уже перебор.

– Перебор чего?

– Всего. Толпа убийц менее эффектна, чем небольшая группа.

– Зато казнить их было красивее...

– Всех гильотинировал, или монтаж сделал?

– Всех, конечно! Вот шофер ваш не даст соврать.

– Нас убили всех, без исключения, – подтвердил шофер Призонова.

– Ты смотри у меня, наймит ЦРУ! – рассмеялся Александр.

– Куда смотреть прикажете?

– Пока на дорогу. Там имеет наглость быть пробка.

– Происки Запада? – предложил версию Пастухов.

– Мелко. К тому же не пробка, а авария, – сказал Призонов. – Убило кого-то. Женщина в крови на носилках.

– Рожает, – присмотрелся шофер.

– Непорядок, – нахмурился Император. – Население демографический вопрос решает, а малый бизнес в виде пары КАМАЗов ему мешает?

Он щелкнул пальцами, и от столкнувшихся грузовиков осталась лишь груда пепла.

Машины робко дернулись в сторону пепелища.

– Неблагодарные твари, – рассердился Александр. – Никакого уважения!

Шофер включил мигалку, и машины рядовых россиян вновь встали, как вкопанные, но уже перед своими командирами, а не другими бедствиями. Вереница черных машин с тонированными стеклами поехала сквозь народ.

– Перекройте за нами дорогу не на полчаса, а на час, – брезгливо сказал Александр, – А то еще увяжутся!

– Вас понял! – сказал Пастухов и стал давать ценные указания своему мобильному телефону.

– Разрешите обратиться? – спросил шофер.

– Ты и так оборотень, чего стесняешься? – оскалился Призонов.

– Александр Аркадьевич, а женщина-то родит?

– Не успеет, – усмехнулся Император.

– Это правильно, – добавил Пастухов.

– Очень правильно! – подтвердил шофер.

– Вам виднее, друзья мои, – вздохнул Александр.

***

– Я открываю шестой съезд партии «Счастливая Россия», – торжественно сказал спикер Кони Лабрадорович Загрызлов. – Но прежде, чем начать, я объявляю минуту молчания в память об ушедших от нас отце и брате Императора. Аркадий Платонович Призонов и Игорь Аркадьевич Призонов навсегда останутся в наших сердцах, как первые солдаты великой Третьей Мировой Войны. Но мы...

– Россия – Призонов! Призонов – Россия! – раздался многотысячный рев и в зал взметнулись транспаранты.

– Отомстили за них, – закончил Загрызлов и помолчал секунд тридцать.

– Я также приветствую бывших иностранных граждан, – продолжил он. – Которые победили мелкие амбиции и нашли в себе мужество присоединиться к нашей партии в нелегкие годы борьбы. Эти граждане получили по...

– Победа – Призонов! Призонов – победа! – заглушили Кони Лабрадоровича дикие вопли толпы.

– Заслугам, – нахмурившись, продолжил Загрызлов. – Император доверил им управление колониями Русской Империи!

Члены «Счастливой России» Николая Саркози, Ким Чен Ир, Герхард Шредер, Тони Блэр и другие достойные господа встали навытяжку и низко поклонились.

– Раньше надо было их бомбить! – шепотом процедил Блэр.

– А я предлагал! – прошипел Ким Чен Ир.

Раздались громовые аплодисменты. Удивившийся Блэр поднял голову и понял, что они предназначаются вовсе не заместникам Императора, а самому Александру Призонову, вышедшему на трибуну.

– Мой Император! – склонил голову Загрызлов. – Я не буду говорить о ваших заслугах – они огромны. С юных лет вы зорко охраняли рубежи нашей Родины от скопища внешних и внутренних врагов. Еще тогда вы приняли единственно правильное решение – рубежи должны стать шире. Самое долговечное дерево – это...

– Призонов – ура! Ура – Призонов! – начала скандировать толпа.

– Самое большое дерево, – закончил Загрызлов. – Перед нами – новые российские флаги. И даже когда они истлеют от...

– Гуманность – Призонов! Призонов – гуманность! – заорала толпа.

– Времени, – заскрежетал золотыми зубами Кони Лабрадорович, – Вся страна будет помнить то, что сделал для нее ее великий сын – Александр Аркадьевич Призонов. Ржавые гнилые решетки...

– Свобода – Призонов! Призонов – свобода! – вновь развопилась толпа.

– Тюрьмы, в которую пытался посадить страну антипатриот Владимир Лилипутин, – попытался перекричать толпу спикер, – Разрушены полностью. Вся страна вышла на свободу! Отныне наша свобода – это весь мир!

– Миру – мир! – захохотала толпа.

– Я предоставляю слово Императору! – Загрызлов вытер пот с затылка и ретировался.

– Сограждане! Господа! Товарищи! – закричал Призонов. – Народ наконец-то получил свое! Теперь страной управляет...

– Партия – Призонов, Призонов – партия! – толпа слилась в общем вопле.

– Настоящий народ! – продолжил Император. – Не трусливые интеллигенты в чистых костюмчиках, недостойные звания народа, а простой народ! Такой же простой, как лучшие его представители!

Над толпой взвился транспарант «Народ и Призонов едины».

– Мы сами творюги, то есть творцы своего счастья! Мы хотели стать единой нацией – и стали ей! – взревел Александр. – Мы хотели уничтожить чужую и чуждую нам идеологию – и теперь все ее приверженцы умываются кровавыми соплями!

– Мочить, резать, бить! – закричала толпа.

– Да, у нас еще много работы, – улыбнулся Призонов. – Но во славу Русской Империи, вашу, товарищи славу, да и нашу тоже, не говоря уже о моей, мы придем к сияющему будущему и сломаем хребет гидре мирового капитализма и сионизма! Но не забывайте о миролюбии, господа! Любите мир, нашу партию и друг друга! Но будьте сильными, отважными, и в любую минуту готовьтесь дать отпор враждебным нам элементам! Вы граждане – и вы обязаны! Вы русские люди – и вы должны!

Толпа грохнула аплодисментами.

– Но мы всегда были и будем с вами! Мы поддерживаем и направляем вас на путь истинный! Кто собьется – тех не жаль! Мы достойны тех, кто достоин нас! Единство! Братство! Демократия! Империя! Христос с нами! Я с вами!

– Товарищ Призонов! – в умоисступлении крикнула красивая девушка, стоящая к Императору вполоборота. – Можно, я вас поцелую?

Призонов усмехнулся и подкрутил ус.

– Я всегда был близок своему народу, – сказал он и поманил девушку. Девушка вбежала на трибуну. Александр увидел страшный ожог, изуродовавший почти пол-лица русской красавицы. Девушка приблизила к Призонову свое лицо. Император резко отвернул от себя изуродованную часть лица и впился в чистую кожу. Девушка зашла в ответном поцелуе.

– Откуда такое личико? – шепнул Александр.

– Я, когда началась война, в Италии с мамой отдыхала, – понизила голос девушка. – Маму не спасли. Я теперь только вас люблю.

– Понимаю, – отстранился Призонов и повысил прекрасно поставленный голос. – Кто вы по профессии?

– Психиатр! – громко сказала девушка.

– Нужная России профессия! – одобрительно сказал Император. Девушка жалко кивнула и сошла с трибуны.

– Я тоже ваш врач! – заорал Александр. – Я вырежу ваши болезни огромным скальпелем! Я – ваш хирург, ваш анестезиолог, ваш патологоанатом, ваш диагноз!

– Россия – Призонов! Призонов – Россия! – снова завывала толпа.

***

– Ваша речь была прекрасна, Александр Аркадьевич! – восхищенно сказал Владислав Гиенов.

– Моя речь? – удивился Призонов. – Я просто повторял то, что сидит в их незатейливом подсознании. Главное – не слышать воплей, а уметь слушать эти отдаленные подобия мысли.

– То, что они орут, а не думают – хорошо и нужно. Но почему они орут невпопад? – сердился Кони Лабрадорович, запивая граппой свежие устрицы.

– Это тоже хорошо. Другой народ нам и не нужен. Энергии много, понимания мало, – снисходительно взглянул на него Император. – Плохо то, что их могучую энергию пора вновь применять, а уже не на ком. Если не найдем очередного страшного врага, они начнут задумываться – как так, мы всех забомбили, а лучше жить не стали? Кто виноват? А всех виноватых уже и нет. Если это столь же болезненное, сколь дикое древнее животное по имени «народ», вдруг проснется, и поймет, что оно само себе господин, может быть интересно...

– Враги всегда найдутся! – гаркнул Гонялов. – Апельсинов к примеру! Развел тут антипартийную линию, гуманист фашистский!

– Никогда не думал, что будем судить Апельсинова и его нацболов за гуманизм, – влил в себя виски спикер Миноров.

– Это же враг народа! – жутковатым металлическим голосом выкрикнул Угрюм-Бурчеев. – Клейма негде ставить! Война – благо! В сорок пятом двадцать миллионов мальчиков умерло с улыбкой на устах! Во имя Родины и двадцати миллиардов таких мальчиков не жалко! Умереть за Отечество – счастье!

– Самое противное, что этот мерзавец уже заявку в Думу сбацал, ЦИК обошел! – сказал Падловский. – Его же туда допускать нельзя!

– Без прессинга! – оборвал его Призонов. – Мы самая мирная страна в мире! К тому же единственная. Сделаем просто – введем дополнительный критерий по выборам в Думу. Например, по весу. Он ведь худой?

– По сравнению со мной – да, – заинтересовался Миноров.

– Вот и все. Своим, как понимаете, мы веса с голосами добросим. А чужой не прошел по весу – прощай, иммунитет! С Апельсиновым потом тихонечко, без крика, как обычно. Не мне вас учить, Николай Платонович.

– Вас понял! – резко кивнул Пастухов.

– Замечательно! – воскликнул Падловский и сразу потянулся в креатив. – Сделаем серию роликов о том, что Русская Империя – это страна сильных, здоровых людей, а не тощих очкариков с бородкой! Эх, Кукрыниксов бы сейчас воскресить!

– Могу устроить, – величественно сказал Император.

– И Пушкина можете? – вдруг заинтересовался Падловский.

– Зачем нам живой Пушкин? – удивился Прионов. – Хватит и живого Игоря Кириллова!

– В качестве врага, разумеется, – заулыбался Падловский. – Эфиоп, русофоб, агент Моссада и так далее. Для массового эффекта и дружков его можно воскресить – Муравьева, Рылева, Бестужева...

– Не стоит будить нового Герцена, – покачал головой Император. – Ограничимся Кукрыниксами, а то круг замкнется. Ведь еще кое-где смеют самостоятельно думать!

– Моя недоработка, – поник Падловский.

– Вы уж разберитесь с бывшими иностранными гражданами! А то, приезжаю с Дементием Варламовичем к мсье Саркози для подписания мирного договора о полной капитуляции. Договор простой и типовой. Мне – все, вам – кусочек всего, народу – как всегда, Саркози – жизнь. Так этот Коля-Николя вдруг заявляет, что должен посоветоваться со своими коллегами, так как живет по демократическим принципам! Дементий Варламович, у нас ведь тоже демократия, не так ли?

– Так точно! – рявкнул Брудастый.

– И никаких других демократий быть не должно, правильно?

– Не потерплю! – убедительно сказал Брудастый.

– Дементий Варламович – это воплощение нашей демократии! – одобрил Прионов. – Потом конечно, этот Никола у меня в ногах валялся, но осадок остался...

– Может, его тоже того? В осадок? – плотоядно облизнулся Пастухов.

– Не спеши, Коля. Всем придет черед, – со значением сказал Александр.

– Народ вообще нагл, злобен и инертен, – сказал Свинюгин. – Люди кричат, что все их налоги идут на наши счета. А на что мы, спрашивается, ядерное оружие сооружали? Армию на что содержим, которая их от них самих защищает?

– Твари неблагодарные! – поддержал Миноров и запил свою обиду коньяком столетней выдержки. – Работаем, как рабы на галерах...

Прионов брезгливо поморщился и вдруг щелкнул пальцами. Все, кроме Гонялова, превратились в фарфоровых кукол с плоскими овалами вместо лиц.

– И что? – спросил Гонялов.

– И все! – с торжеством сказал Император.

– Вам надоело быть пастухом, вы хотите стать садовником. Решили превратить животных в растения? Надолго или насовсем? – переспросил Иван Денисович.

– Пока тренируюсь, – ответил Прионов и вновь щелкнул пальцами.

– Народ нагл, злобен и инертен, – повторил слова Свинюгина Падловский, доверительно наклонившись к Загрызлову. – Люди кричат, что все их налоги идут на наши счета. А армию на что содержим, которая их от них самих защищает? А на что мы, спрашивается, ядерное оружие сооружали?

– Неблагодарные твари! – нахмурился Кони. – Работаем тут, как рабы на галерах...

– Кстати, о рабах, – сменил тему Александр. – Наша партия автоматически стала не только главной в стране, но и ведущей в Русской Империи! В связи с этим пора менять...

– Кого? – всхлипнул рупор партии.

- Название, Кони Лабрадорович, сейчас только название!
- Так это мы запросто, не впервой, – расцвел Кони. – Единая, простите, «Счастливая Русская Империя»!
- Аббревиатура этого названия не вполне отражает внутреннее содержание нашей партии, – сказал Прионов.
- Вы, как всегда, правы, – поник Кони.
- Я предлагаю подобрать к слову «счастливая» подходящий синоним. Вот, к примеру, для вас, Дмитрий Анатольевич, что такое счастье?
- Вице-премьер радостно улыбнулся.
- Мне, Александр Аркадьевич, – волнуясь, начал он. – Временами бывает плохо. Я очень много работаю во благо Отечества, поэтому усталость и стресс – мои постоянные спутники. Но стоит лишь мне взглянуть на вас – и мою душу озаряет счастье. Счастье при виде великого человека, который оставил несмываемый след в истории.
- Да, не отмоешь, – согласился Прионов. – Но, господин Свинюгин, что же такое счастье?
- Для меня – вы, и только вы! – решительно сказал Дмитрий Анатольевич.
- У кого-то есть другие определения счастья? – спросил Император.
- Как можно, Александр Аркадьевич! – раздался нестройный хор. – Вы – наше единственное счастье! Поверьте, мы – самые близкие вам люди!
- Близкие и очень недалекие. За то и держу! – усмехнулся Император. – Прионовская Русская Империя... Аббревиатура более чем актуальна.
- Посыл к народу, – снова закреативил Падловский, – Сами мол, сами! Нечего на государство надеяться! А то, подлецы, каждый день жрать хотят, и почему-то думают, что мы им должны еду обеспечивать!
- Еды для них опять нет, нужны еще ресурсы, – вздохнул Прионов. – Так много, чтобы наконец-то хватило на всех!
- На нашей планете столько никогда не будет, – загрустил Миноров.
- Но на других найдутся! – воскликнул Пастухов.
- Поясните, Николай Платонович, – заинтересовался Император.
- Помните, Александр Аркадьевич, вы просили меня разыскать всех живых родственников Надежды Либертовой, покойной жены вашего брата?
- Не помню! – отрезал Прионов. – И не хочу помнить! Я не заказывал чуел! Какая еще Надежда? Я женатый мужчина, я не знаю никакой Надежды!
- Махаллат Асмодеевна восхитительная супруга! – поддакнул Загрызлов, грозно смотря на Пастухова.
- Я и без вас знаю, – хмуро сказал Император.
- Скажите пожалуйста, вы знаете, где сейчас Асмодей Адамович? – мечтательно спросил Свинюгин.
- Если скучаете по нему, я устрою вам встречу в кратчайшие сроки, – сурово сказал Гонялов.
- Я не в этом смысле, Иван Денисович, – поперхнулся Дмитрий Анатольевич. – Просто я помню Асмодея Адамовича еще с детства. Когда я был маленьким, меня родители привезли в Италию...
- Вы и сейчас маленький! – прервал вице-преьера Иван Денисович. Свинюгин замолк.
- Надя, – с неожиданно человеческими интонациями сказал Император. – Наденька, забирай меня отсюда!
- Вот видите, – тепло сказал Пастухов. – Индивидуально вы любите, в смысле, помните!
- Любить индивидуально – скотство! – металлическим голосом проскрежетал Угрюм-Бурчеев. – Любить можно лишь прилюдно! Наш Император – не онанист, а коллективист!

– Кто из родственников Либертовой жив? – пришел в себя Призонов. – И причем здесь другие планеты?

– Сводный брат Надежды Либертовой, Роман Олегович Монтеков сейчас работает над созданием межпланетного портала, – с упоением сказал Пастухов. – Естественно, под чутким руководством госструктур!

– Это тот департамент, где уже пять лет работа даже не стоит, не лежит, а валяется? – с презрением спросил Гонялов.

– Но схема хорошая! – начал защищаться Пастухов. – У парижан отбили! Англичане перекупить хотели!

– В чем принцип? – сощурился Призонов.

– С помощью искусственно направленных протонных столкновений программируется временеподобная кривая с фиксированными данными земной плотности и атмосферы. При помощи уплотнения черных дыр антигравитационной субстанцией создается червоточина, искривляющая пространство... – начал Пастухов.

– Вы это по матерному или по научному? – осведомился Гонялов.

– Перевожу специально для вас, – вздохнул директор ФСБ. – В бесконечности создается дыра, ведущая на планету с такой же плотностью и атмосферой, как у нас.

– Зачем с такой же? – переспросил Гонялов.

– Чтобы там жизнь была! – объяснил Пастухов.

– Жизнь меня не интересует, – оборвал их Император. – Там нефть с газом есть?

– Должны и обязаны быть! – убежденно сказал Пастухов.

– Очень полезное изобретение, – одобрил Призонов. – Почему не двигается работа?

Никто не знал.

– Кто отвечает за создание межпланетного портала? – переспросил Александр.

Члены правительства лишь пожали плечами.

– Вот так у нас все, – хмыкнул Призонов. – Портал-то большой?

– Человек пройдет, – сказал Пастухов.

– Причем здесь человек? Танк, самолет, ракетная установка пройдут?

– Уточню, – пообещал Пастухов. – Но почему сразу танк?

– Зачем тянуть? – спросил Император. – Раз там есть атмосфера, то есть и люди?

– Наверное, – с сомнением сказал Николай Платонович.

– Нужно заранее позаботиться о людях! – сказал Александр. – Они ведь могут не понять текущего момента и не отдать ресурсы добровольно! Этими несознательными гражданами и займутся наши миротворцы.

– Кто? – Пастухов с трудом поспеивал за бегом мысли Императора.

– Миротворцы, – терпеливо разъяснил Призонов. – Местные ведь наших обидят, так?

– За что?

– Будет за что. На защиту жертв антинародных инопланетян поднимутся наши миротворцы, борцы с геноцидом! То есть, танки, самолеты и так далее.

– Разорю! – выкрикнул Брудастый.

– Дементий Варламович, как обычно, всесторонне понимает текущую задачу, – сказал Призонов.

– Инопланетян уничтожать обязательно? – переспросил Загрызлов, бывший на фоне присутствующих весьма миролюбивым господином.

– Безусловно. Если они лучше нас – необходимо. Если хуже нас – сам Люцифер велел. Если такие же, как мы – прирежу лично. Не в первый и не последний раз, – обвел глазами присутствующих Император.

– Скот перед забоем отводят в стойло, – сказал Пастухов. – А у нас его еще нет!

– Лично прибуду и проинспектирую! – набычился Император.

– Так им и надо! – кивнул Свинюгин.

– Кто в этом департаменте Надин братик? – спросил Призонов.

– Никто. Старший аналитик, или что-то вроде. Работает, а не руководит, – отрапортовал Пастухов.

– Что же он так? Такой глупый или наоборот?

– Портал изобрел он.

– То есть, человек не с нами, но с умом?

– Я восхищен точностью вашего определения, мой Император, – склонил голову Пастухов.

– Я тоже изумляюсь мощности вечного двигателя вашей мысли, – принял эстафету Кони Лабрадорович. – Когда я гляжу на Владимира Владимировича, я всегда чувствую – вот пример, вот образец, вот идеал!

– На кого вы смотрите? – заулыбался Император.

Кони сглотнул и в ужасе закрыл глаза, чувствуя непоправимое. Свинюгин и Миноров, сидящие рядом с ним, пересели подальше, с грохотом откинув стулья. Гиенов дал текстовую команду мгновенно пустить в эфир заранее снятый фильм, выводящий на чистую воду коррупционера и предателя Загрызлова.

– На Александра Аркадьевича! – завизжал Загрызлов, не открывая глаз. – Александра Аркадьевича! Александра Аркадьевича!

Упругая желтая струя предательски брызнула из-под его штанин.

– На Александра Аркадьевича! – из закрытых глаз Кони Лабрадоровича покатались слезы.

«Идеальный преемник», – подумал Призонов. – «Может, он эту акцию специально спланировал? Все в нем хорошо, кроме роста. Не может быть президент России выше Императора!»

Александр украдкой взглянул на своих клеветников. Они смотрели на Загрызлова то с презрением, то с восхищением. Прогнуться так, как Кони Лабрадорович, умел не каждый. Один лишь Дмитрий Анатольевич Свинюгин преданно смотрел в подмышку Императора.

– Хватит, Кони Лабрадорович, – успокаивающе сказал Призонов. – На первый и последний раз вы прощены.

Загрызлов открыл глаза и засиял преданно-победной улыбкой. Свинюгин и Миноров вновь придвинулись к нему, не обращая внимания на мокрый пол вокруг спикера. Гиенов дал бесшумную команду прервать сюжет, обличающий Загрызлова, и запустить давно смонтированную передачу, разоблачающую разоблачителей безгрешного Кони Лабрадоровича.

– Кстати, я провел всесторонний анализ кандидатов в президенты России, – улыбнулся Призонов.

– Зачем, Александр Аркадьевич? Оставайтесь, лучше вас никого не было и не будет! – подал голос Падловский.

– Я остаюсь Императором, но сидеть на двух стульях мне габариты еще не позволяют. Я назначаю своим преемником на посту президента России Дмитрия Анатольевича Свинюгина, – сказал Император.

Все дружно зааплодировали. Свинюгин горделиво встал, но поскользнулся на полу, замоченном спикером Загрызловым. Падловский, как опытный политтехнолог, моментально его поддержал.

После часа бессмысленных речей Призонов наконец остался один. Но Гонялов вновь материализовался перед ним.

– Что еще, Офис? – Император сморщился, как от зубной боли.

– Почему не я? – обиженно спросил Офис Полыхаев, приняв свой настоящий облик. – Я бы эту Россию вот так стреножил!

Он с треском сжал кулак.

– Она уже и без тебя в узде, – недовольно сказал Призонов. – Уже не скачет, а только мирно пасется.

– Но почему не я?

– Ты меня уже убивал. Не хочу повторений.

– Я убил вас для вашего блага!

– Дело не в этом. Дело в том, что ты способен меня убить. А Свинюгин не способен. Кроме того, ты ведь все равно им руководишь, причем здесь статус? Тебе мало должности коммерческого директора ООО «Избавление»? Я ведь могу лишить тебя всего!

Офис смерил Призонова ненавидящим взором, щелкнул пальцами и исчез.

«Может, лучше было назначить Загрызлова?» – подумал Император. – «Впрочем, поменять марионеток можно всегда. Главное – крепкие нитки».

Предполагаемый президент России тем временем снял безнадежно испорченные брюки и вызвал подчиненного.

– Слушаю, Кони Лабрадорович! – вытянулся перед Загрызловым седовласый мужчина, одетый в тройку от «Vіonі».

– Где отчетность? – заорал Кони и дал подчиненному пощечину.

– Виноват! – съезжился сотрудник администрации.

– Снимай штаны!

Подчиненный, нимало ни удивившись, снял брюки и с поклоном протянул их Загрызлову.

– Другое дело, – Кони натянул модные брюки, идеально ему подходившие. – Прикройся!

Загрызлов швырнул сотруднику администрации свои мокрые штаны. Подчиненный с энтузиазмом надел их.

– Отчетность в сроки! Уволю! Коррупцию выжгу! – рявкнул Кони Лабрадорович.

– Оправдаю, исправлю, поделюсь! – залепетал подчиненный.

– Свободен! – выкрикнул Кони. Сотрудник администрации вышел на цыпочках, пятясь задом. Придя в свой кабинет, он вызвал своего подчиненного, дал ему в зубы, обвинил в коррупции и велел снимать штаны. Указание было безропотно выполнено.

В этот день в администрации президента наблюдался небывалый подъем трудовой активности сотрудников всех рангов. Без малейшего исключения.

***

Курс единственной валюты, твердого, полновесного рубля, стоял монолитом, а цены на хлеб насущный продолжали совершать головокружительные зигзаги. Радиоактивные пустыри, заполонившие планету на треть, приносили убытки как людям, так и Империи. Курс акций всего и вся стремительно летел вниз уже который год, но никак не мог упасть до конца. «БМВ» и «Ламборджини» произведенные по лицензии в Нижнем Александрграде (бывший Владимир) напоминали оригинал лишь внешне. Механизм стабильно барахлил. Французское и итальянское вино, производимое в Мытищах на улице Карла Маркса, больше напоминало уксус. Народ великой Империи пускал патриотические пузыри в грязной луже, но был уверен, что плывет вперед. Бандиты стрелялись, банкиры стреляли, политики строили на этом бизнес, обыватели все это понимали, частично одобряли и занимались тем же, но в более микроскопических масштабах. Шла обычная, будничная жизнь.

Серое небо уныло плевало в россиян мелким дождем. Обезличенные потоки граждан вертелись в вечном круговороте. Поток жвачной мысли сливался в одну бесцельную, бессмысленную и заунывную песню.

– Призонов лучше я жигуль купил достали уроды когда кончится еда чтобы зарплата ломлю дети манька к тоньке саня с серым маржа типа газель вези мазут место не стояло топ-

менеджер мое твои проблемы триппер пиндосы баблo говно мочить телки свой бизнес все гады когда почем сколько как бы по жизни...

С неба медленно спускался пожилой человек в белых одеждах. Но его появление произошло незамеченным – головы из потока никто не поднял. Человек с явной неохотой приземлился и тут же получил толчок в плечо, грязь на костюме и беспричинный мат вслед. Мужчина в белых одеждах оглянулся вокруг со смесью ужаса и презрения. Брезгливо передернувшись, он зашагал в сторону главного московского офиса ООО «Избавление». Человек в белых одеждах не заметил следующего за ним «Мерседеса» с тонированными стеклами. Открыв дверь главного офиса, пожилой мужчина растворился в черноте. Человек в «Мерседесе» опустил стекло и закурил сигару, стряхивая пепел на грязную мостовую. На указательном пальце водителя «Мерседеса» поблескивал массивный золотой перстень с рубином, которому рука искусного ювелира придала форму пентаграммы.

– Тебя здесь не стояло! – завизжала жирная тетка в конце очереди на продажу души. – Все хочут!

– Вы больны, дитя мое, – сочувственно сказал человек в белых одеждах и пустил серебристые лучи из своих тонких длинных пальцев.

– Ой, простите, – извинилась тетка, впервые в жизни посмотрев на мир человеческими глазами. Очередь безмолвно расступилась. Мужчина в белых одеждах подошел к стойке администратора.

– Вам кого? – недружелюбно спросила тощая дама очень средних лет.

– Меня ожидает господин Искрин, – ответил мужчина.

– И что? – рыкнула дама. – Он многих ожидает! В очередь, товарищ, в очередь! С луны, что ли, свалились?

– Нет, подальше. И не свалился, а прибыл, – спокойно, но свысока посмотрел на нее мужчина. – Господин Костров сказал мне, что он и господин Искрин примут меня незамедлительно.

– Ой, так вы к Кострову! – всплеснула руками дама. – Что же вы сразу не сказали?

– Есть разница?

– Конечно. Искрин – тьфу, менеджер по покупкам душ, и все. А господин Костров – супервайзер, начальник отдела внешних коммуникаций, ядрена матрена!

– Доложите вашим ядреным Матренам, что прибыл Иеремиил, верховный архангел планеты Илмез, – с достоинством сказал человек в белых одеждах.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась дама, тон которой в один момент превратился из хамского в умильный.

– Господин Костров! – сказала она телефонной трубке. – К вам это... Еремил, ангел с Алмаза! Ой! Да, вы мою маму и моего папу, конечно... У меня еще кошка есть... Да, я то, что вы сказали... Сейчас, конечно, провожу, напою...

– Верховный архангел Иеремиил с планеты Илмез! – дрожа, вытянулась она перед мужчиной в белых одеждах. – Не угодно ли вам подождать господина Кострова в комнате отдыха?

– Я дождусь здесь, – сказал архангел.

– Чай, коньяк, кофе? Могу фирменного абсента накапать! Сейчас я вас по высшему разряду приму!

– Накапайте себе валокордина и примите вместо меня что-нибудь желчегонное, – посоветовал Иеремиил.

Дама умчалась выполнять указание, а архангел с любопытством осмотрелся. Ярко окрашенная женщина с младенцем на руках дала подзатыльник мальчишке, стоящему рядом. К ним подошла худенькая девушка с ангельским личиком, к которому прилагался бэйджик и офисный костюмчик. Девушка деловито оглядела младенца и ткнула его в палец золотистой

иглой. Не обращая внимания на вопли грудничка, она достала откуда-то лист пергамента и смочила его кровью младенца.

– Что же ваш сын так кричит, Ольга Ивановна? – кротко вздохнула девушка.

– Не ори! – строго сказала мать малыша и дала сыну подзатыльник. – Тетя для твоего же блага у тебя душу забирает!

– Сам! – ласково сказала девушка и заглянула в глазки младенца. – Сам, Петенька!

Маленький Петя притих, мазнул палец в собственной крови и доверчиво коснулся пальцем пергамента.

– Вот и все, – мило улыбнулась девушка. – Возьмите квиток, касса на третьем этаже.

– Я еще Ванину душу хочу продать! – заявила заботливая мама.

– У вашего Ванечки душа уже умерла без нашего участия, – ответила юная служанка дьявола.

– Как же так? – губы Ольги Ивановны задрожали. – Ему же всего восемь лет! Он только осенью в третий класс пойдет!

– Два с половиной года в коллективе, – пожалала плечами девушка. – Как учишься, Ваня?

– Нормально, как все, – шмыгнул носом мальчишка и царапнул девушку злым взглядом.

– У него по новейшей истории пятерка, – похвасталась Ольга Ивановна.

– По учебнику Филиппова? – спросила менеджер по покупкам душ.

– Да-да.

– И что вы тогда хотите? Касса на третьем этаже! – усмехнулась девушка и пошла прочь.

Ольга Ивановна дала Ване очередной подзатыльник.

– Достала! – завопил сын и в первый, но не в последний раз дал матери сдачи.

– За что? – по жирным щекам Ольги Ивановны покатались крупные слезы. – Я же все для вас делаю, я же люблю вас, твари, мерзавцы, сучьи дети!

– Ничего не изменилось, – покачал головой Иеремиил и отвернулся к табличке со списком руководства ООО «Избавление».

– А.А. Адов – гендиректор, О.Х. Полыхаев – коммерческий директор. Все, как двадцать лет назад, – вслух подумал архангел.

– За двадцать лет здесь кое-что изменилось, Иеремиил! – раздался хриплый женский голос.

Архангел повернулся и увидел уборщицу, уродливое лицо которой пересекал разбухший шрам.

– Наама, приветствую, – спокойно сказал он. – Что же изменилось, кроме вашего ранга и лица?

– Вы правы, Иеремиил, почти ничего. Нас изрядно потасовали, потрепали, унизили, высили, но все по-прежнему. Только гендиректор у нас теперь Антихрист Асмодеевич, а не Асмодей Адамович.

– Это несущественно.

– Я знаю! – резко сказала Наама, и согнулась, вцепившись в половую тряпку.

– Великий Иеремиил! – к архангелу подбежал запыхавшийся толстяк. – Какое счастье! Как мы вас ждали!

– Верховный архангел! – с другого конца коридора к Иеремиилу бежал элегантный атлет. – Наконец-то!

– Господа Костров и Искрин, – резюмировал архангел, обведя обоих внимательным взглядом.

– Просим! – взмолился Костров.

– Умоляем! – всхлипнул Искрин.

– У вас в кабинете, – кивнул Иеремиил.

Троица вмиг перенеслась в просторный светлый кабинет. Костров приложил палец к губам и опустил шторы. Вытащил из телефона «жучок» и растер его в пыль. Хладнокровно сломал видеокамеру на потолке. Потом он щелкнул пальцами, и весь кабинет окутал черный дым.

– Теперь даже Люцифер нас не услышит, – облегченно сказал Искрин.

– Вам нужно опасаться не Люцифера, а меня! – произнес архангел.

– Пощадите, сжальтесь и забудьте старое, – предложил толстяк.

– Зачем? – удивился Иеремиил. – Сопереживать предателям – готовить спину для ножа. Я слушаю вас, Маммон Хелл и Пифон Ленфер!

– Мы растоптаны и раздавлены, – завздыхал Пифон. – Это негуманно!

– Вам я помогать не собираюсь. Я не собираюсь растаскивать клубок змей с помощью венка из роз. Шипы у меня имеются, но изгибы и траектории ваших сплетений меня не волнуют. Я единственный архангел, который во время бунта Люцифера не поддержал ни одну из сторон и горжусь этим. Я – верховный архангел совершенно другой планеты! Прекратите прелюдию! Назовите, наконец, причину, по которой я должен вмешаться! Она ведь существует, не так ли?

– Дело в том, – зловеще сказал Маммон, – Что Антихрист Асмодеевич решил посетить вашу планету с дружественным визитом. Вместе с землянами, разумеется. Технический прогресс, за который они заплатили культурой, позволит им прогуляться по Илмезу. Вы представляете последствия встречи разумных существ и россиян?

Архангел молчал минуты две, обдумывая услышанное.

– Когда правы, тогда правы, – проговорил он. – Нужно быстро отрубить ногу, пока болезнь не перешла на голову. Голова крепкая, но болезнь запущенная и заразная, так что рисковать нелепо. Итак, Страшный суд. Осмысленный, но беспощадный. Вы – жертвы и свидетели, не более.

– Слава богу, – выдохнул Пифон.

– Страшный суд будет не только над Люцифером, но и над Иеговой, – усмехнулся Иеремиил.

– Слава Иеремиилу! – поправился Маммон.

Незаметно для всех из черного дыма вылетела муха. Протиснувшись в щель под дверь, муха вылетела на улицу, где превратилась в ястреба с кроваво-красными глазами. Ястреб взмыл в небо и растворился в серой туче.

Человек в «Мерседесе» докурил сигару, закрыл окно и набрал знакомый номер.

– Я слушаю, – послышался прерывающийся голос.

– Узнал? – насмешливо спросил водитель.

– Вас забудешь, – вздохнули на другой стороне трубки.

– Выпускай их сегодня в полночь, – дал команду водитель «Мерседеса». – Время нас настигло.

– Попозже не получится? – спросил его собеседник.

– Промедление смерти подобно. В том числе и твоей, – ответил мужчина, постукивая по рубину в форме пентаграммы.

***

Ледяной хирургический свет полоснул по векам Монтекова. Роман с неудовольствием проснулся, взглянул на часы, плюнул в циферблат и пошарил под подушкой. С одобрением пощупав найденный лифчик, он кинул его в мусорную корзину. Найдя початую бутылку доведенного виски, он глотнул, затянул галстук, потянулся и пересел в офисное кресло. С отвращением набрав знакомый номер, он совершил бессмысленный ритуал.

– С добрым утром, Сергей Сергеевич, – подчеркнуто-бодрым тоном начал он. – Я только что зашел к нашим финансистам и поразился. Представляете, ассигнования на линейные ускорители куда-то пропали! Полицию вызвать, что ли?

– Не ебите мне мозги! Что вы придуриваетесь? Вы что, ребенок? – взревел голос Тинина. – Разве непонятно, что этих денег уже нет, и никогда не будет?

– Ясно-ясно. Меня еще коллеги по кабинету спрашивают, когда будут бетатроны?

– Я не понимаю, о чем вы.

– Штучки такие. Вы еще бумажку подписывали. Сумма в двести пять тысяч сто сорок шесть рублей, включая НДС.

– Так бы сразу и сказали. Бетахрены будут послезавтра. Но у нас ограничен бюджет, поэтому сумма...

Монтеков отвел трубку от уха и глотнул виски.

– Все время забываю, сколько в вашем кабинете человек? – спросил Тинин.

Роман глянул в зеркало.

– Трое, – относительно честно ответил он.

– Включая вас?

– Исключая меня.

– Все понятно. Чем вы сейчас заняты?

– У меня сейчас рабочая группа с коллегами. Обсуждаем проблему фотонных переходов во внешнем электромагнитном поле.

– Это очень актуальная тема, – похвалил подчиненного Тинин. – Работайте, Роман!

– Как скажете! – попрощался Монтеков, заказал пиццу и улегся на кушетку. Достав томик Честертона, он стал вкушать изысканную британскую прозу, запивая ее виски. В кабинет постучали. Монтеков продолжал следить за метаморфозами в сознании Сайма. Ручку кабинета подергали и выматерились.

– Сань, а чей это кабинет? – раздался мужской голос.

– Хрен его знает, – ответил пропитый басок. – Записан на Монтекова, Тудейкина, Себейкина и Духова. И никого нет.

– А занять не дают? – заинтересовался второй голос.

– Не дождетесь! – не поднимая голову от книги, крикнул Монтеков.

За дверью воцарилась пауза.

– Пойдем, Сань, – предложил невидимый мужчина.

Монтеков зевнул и продолжил чтение.

В начале работы с Тининым Монтеков испытывал некоторое беспокойство. Его волновали два вопроса – как работать с Сергеем Сергеевичем, и как уберечь свое изобретение от государства. Но стиль работы господина Тинина полностью успокоил Романа. Первый вопрос был снят – с Тининым можно было вообще не работать. Скучность своей зарплаты Монтеков компенсировал зарплатами трех фиктивных сотрудников и отдельным кабинетом, в котором Роман иногда дневал и частенько ночевал, изредка не один. За судьбу своего изобретения Монтеков был полностью спокоен. Он понял, что с таким мудрым руководителем, как Тинин, межпланетный портал никогда не будет создан. Сергей Сергеевич отдавал весь свой организаторский талант освоению бюджета, а на такие мелочи, как работа, у него просто не оставалось времени.

С тех пор, как Монтеков начисто похоронил все свои микроскопические надежды и смутные иллюзии, он стал счастлив и спокоен. Он не искал любви и находил секс. Он не искал собеседников и находил дивные книги. Он не искал карьеры и находил свободу. Он потерял многое, но потерял так легко и красиво, что зауважал себя еще больше.

В кабинет Монтекова вновь постучали.

– Доставка пиццы! – с энтузиазмом раздалось из-за двери.

– Открыто, – буркнул Роман, повернув ключ. Максим, еще более разжиревший борец за свободу, торжественно внес пищу. Повернувшись к Роману, он несколько увял.

– Доборолся, Максик? – добродушно спросил Монтеков, протянув купюру за продукт.

– Я продолжаю бороться! – зло сказал Максим, вырвав купюру. – Ты тут сидишь, пашешь на кровавый режим, а народ страдает!

– Сильно страдает, – констатировал Роман, деликатно пощупав брюхо Максима. – Вот иго Призонова что делает, ай-яй-яй! Как же этот злой режим сбросить? И главное, на кой?

– Что значит как? – нахмурился Максим. – Заменить правительство!

– Новым лидером, – с нескрываемой иронией закончил Роман.

– Порядочным лидером! – поднял палец Максим.

– Допустим, снова найдете, хотя весьма сомневаюсь. И?

– Что? – растерялся Максим. – Поднимем пелену! Человек – это то, что в него напихали.

Вот мы дрянь и выпихнем!

– А она захочет выпихиваться? – невинно спросил Роман. – Она ведь так хорошо в человека встала, как по мерке! Его размерчик! И ведь что интересно – пихают-то не силой, выбор есть. Всегда перед человеком стоит бутылка убогого кустарного самогона и бокал изысканного выдержанного вина. И ручки тянутся именно к самогону.

– Так мы объясним, что вино лучше! – непоколебимо заявил Максим.

– Объясняйте. Они все равно ловят кайф от самогона, а от вина их тошнит! А детей не переучишь, потому что это их дети. Кричите так же – газетами, Интернетом, госканалами. Но вас не услышат. Призонова слышат, Блевонтьева слушают, Дельцову читают! Никто не сжигал труды гениев, никто не уничтожал громадного культурного наследия, оно есть! Но оно не нужно этому времени, а Призонов, Соловушкин и Падловский им востребованы.

– Это неправда. Если мы их уберем...

– Начнется ломка, – перебил Монтеков.

– Не начнется! – вспыхнул Максим. – Народ жрать хочет и деньги зарабатывать! А мы объясним, что лучше это делать по-европейски! К тому же, у нас совершенно новая национальная идея!

– Опять? Всегда предпочитал старый коньяк новым национальным идеям. Ты переоцениваешь народный ум, его конек – передел и отъем. Все остальное как-то не складывается и не умножается.

Максим вышел, хлопнув дверью.

– Сдачи не надо! – крикнул вдогонку Роман и вновь повернул ключ.

Спамом пришло электронное письмо от Тинина, содержащее поздравления с Днем Распятого Врага – всенародным праздником Русской Империи.

«Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Позвольте мне от имени руководства нашего департамента и от себя лично поздравить вас с самым любимым и чудесным праздником – с Днем Распятого Врага!

Сегодня на глазах нашего великого народа будет гильотинирован его очередной злейший враг – бывший мэр Призоновграда Михаил Юрьевич Лесополев, обманом затесавшийся в ряды «Счастливой России». Но партия и правительство всегда стоят на страже своих граждан и смогли умело разоблачить негодяя.

Внес свой вклад в борьбу и наш департамент. Подводя итоги полугодия 2013 года, хочу отметить, что это было интересное и яркое время для нашего департамента. Мы еще раз смогли доказать как себе, так и нашему государству, что на сегодняшний день мы достигли самых эффективных успехов в разработке величайшего изобретения 21 века – межпланетного портала. Мы можем по праву гордиться результатами своей работы. На сегодняшний день стали доступны новые этапы в конструировании инновационных устройств, которые станут кирпичиками, из которых будет состоять межпланетный портал. Специалисты нашего департамента

активно строили и запускали демонстрационную модель портала в 33 российских городах. Мы на волосок от успеха! Деятельность нашего департамента по достоинству оценило государство – наш департамент удостоен правительственной награды «Инновация века», а лично мне присвоено звание «Почетный изобретатель Русской Империи». Заслуги департамента – это заслуги каждого из нас, и я благодарен вам за вклад в общее дело.

Желаю вам счастья и удачи!

Сергей Сергеевич Тинин, руководитель департамента по созданию межпланетного портала (ДСМП), почетный изобретатель Русской Империи, член-корреспондент РАН, заслуженный деятель науки Русской Империи, доктор физико-математических наук, профессор»

На мгновение Романа охватило тоскливое ощущение бесцельности и безрадостности своей жизни. Он доел пресноватую пиццу и вновь глотнул виски, обжигая им свою тоску. Тоска сгорела, но не дотла. Тогда Роман защелкал клавиатурой, импровизируя на ходу. Строчки мелькали, Монтеков не был уверен, что создает их самостоятельно. На мониторе появился следующий текст:

Сверкающий алмаз лежит в песках.
Пустыня зла, душна и беспредельна.
Алмаз ни разу не был на руках,
Но красота его чиста и неподдельна.
Не видел он ломбардов и витрин,
И на телах игриво не искрился,
Бездумный взор кидал ему верблюд один,
Плевков, зевков – и зритель удалился.
Алмаз рожден не в шахте – не беда.
Пустыня бесконечна и вечна.
Алмаз не найден – не его вина.
Пока сияет – жизнь недурна.
Что камень, что алмаз – вокруг песок.
Пустыня все ровняет, что на тверди.
Верблюду – пища, горб и шерсти клоч,
И миражи от смерти и до смерти.

– Себя должно хватить! – строго сказал Монтеков. – Войну с обществом я проиграл. Самое неприятное, что общество не заметило этой войны. Жизнь сложилась в кукиш, но официально капитулировать? Не дождутся! Иначе действительно все зря! Или я когда-то совершил нелепую ошибку и теперь расплачиваюсь? Портал – лишь отражение моей гордыни, а я направил свой талант в капкан? Отрезал бы себе крылья и не сгорел! Ползал, грелся и толстел... Фи, Рома, не уподобляйся. Я не Тинин, мне не нужно ничего никому доказывать.

Роман несколько лукавил перед собой. Он все еще хотел до конца доказать себе и только себе, что он не просто одиночка-полукомформист, а еще и гениальный изобретатель. Тем более, что это было истиной. Неуместность таланта не стала обузой. Монтеков продолжал творить, причем не только в теории.

Пока класс пустогласых активно бездельничал, Роман сбежал от сюрреалистического брожения в практическое строительство своего портала. Никому не нужное и никем не оплачиваемое хобби было свободно от бюрократии, безграмотности и безответственности. За пять лет индивидуум Монтеков почти сделал всю работу нескольких сотен человеко-единиц своего департамента. Поскольку Роман выполнял свои официальные обязанности неофициально и без поддержки коллег, работа шла эффективно, несмотря на то, что вместо высокотехнического ангара портал стоял в ржавом гараже на окраине Призоновграда. Задержки и трудности в построении портала состояли не в замедленности технической мысли Романа, а всего лишь в

материальном отсутствии редких и дорогих деталей. Но Монтеков решил проблему интеграции просто и ясно. Детали в департамент иногда поступали, так как Тинин не всегда успевал мгновенно обратить в деньги все и вся. ДСМП иногда служил складом для перепродажи украденных у него же деталей. Монтеков решил добавить в повальное воровство посылную лепту, и изредка поворовывал награбленное. Строительство портала в очередной раз встало из-за нехватки бетатронов, и Роман с удовольствием погрузился в их ожидание, попивая отличный шотландский виски.

Как только по миру стали разноситься громогласные речи о преимуществах «Жигулей» перед «Ауди», «Столичной» перед «Камю», а также «Большевички» перед «Армани» Монтеков влез в долги, но сохранил у себя останки европейских товаров. И напрасно его убеждали, что «Жигули» можно отремонтировать самостоятельно, тогда как «Форд» требовал автосервиса – глупый Роман не понимал своей выгоды. Когда орущая девочка– продавщица обвиняла Монтекова в антипатриотизме, ведущем к уничтожению России, он разворачивался и шел в другой магазин. Там ему тоже кричали, что стыдно пользоваться зарубежными товарами, но, увидев презренную валюту, замолкали, и ныряли под прилавок. Жутковатый гибрид командной и дикорыночной экономики за год прочно встал в нишу, которую европейская экономическая модель тщетно пыталась занять двадцать лет.

Телефон на столе Романа тренькнул. Монтеков поднял трубку.

– Роман Яковлевич, вам нужно срочно явиться в кабинет триста сорок и подписать новый стандарт, – скомандовал наглый и юный голос. – Быстрее бегите, только ноги не сломайте.

– Я Олегович, и мне это не нужно, – зевнул в трубку Монтеков.

– Это я без понятия, – вяло хамнул голос.

– Это заметно. Я же вчера в этом кабинете подписывал бонусный план, сложно было дать и эту бумажку?

– Че вы так со мной по типу разговариваете? – обиделся голос. – Вы че, блин, на повышенных тонах? Я щас удалю ваше дело из компьютера, если вы не на задних лапках!

– Подпись Тинина нужна? – свернул скучную тему Роман.

– А как же. Вы сейчас стандарт заберете, а то я сейчас по типу как бы обедать ухожу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.